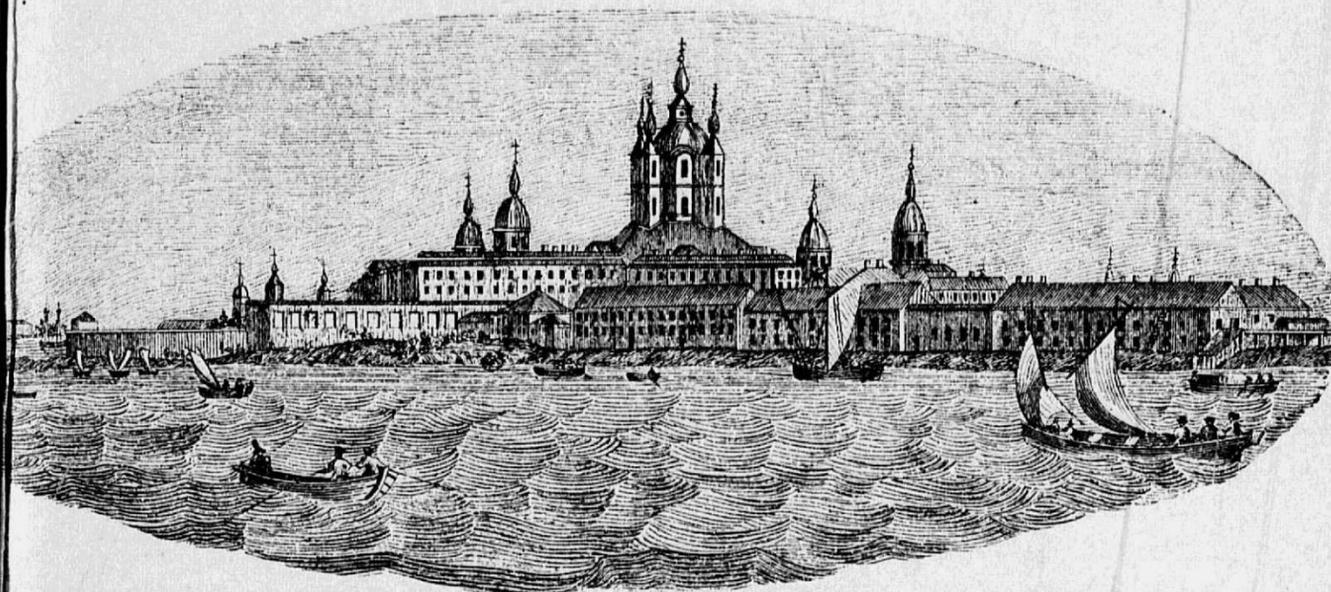

E 99
334

801-15
1256

М. С. Угличанинова.

ВОСПОМИНАНІЯ ВОСПИТАНИЦЫ
СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ
СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

—★—
(Посвящается воспитанницамъ Смольнаго института).

Съ письмами къ роднымъ подруги ея по институту Ельчаниновой,
впослѣдствіи Невежской, во время экспедиціи ея мужа на Амуръ.

—
Типо-Литографія Т-ва Влад иміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьино роща, с. д.

1901.

Воспоминанія воспитанницы Смольнаго монастыря сороковыхъ годовъ.

(Посвящается воспитанницамъ Смольнаго монастыря).

Мнѣ 70 лѣтъ, но далекое прошедшее ясно и отчетливо мнѣ припоминается. Картина за картиной какъ въ калейдоскопѣ ярко смѣняются одна другую, и образы людей, давно ушедшихъ изъ этого міра, встаютъ предо мною какъ живые. Говорятъ, это принадлежность старости, забывать недавнее и ясно помнить давно прошедшее, и я хочу воспользоваться этимъ и написать свои воспоминанія о моемъ девятилѣтнемъ пребываніи и воспитаніи въ Смольномъ монастырѣ 60 лѣтъ тому назадъ.

Посвящая ихъ воспитанницамъ всѣхъ поколѣній этого института, я должна оговориться что бывши на юбилеѣ Смольнаго монастыря въ шестидесятыхъ годахъ нашла тамъ огромную перемѣну; на примѣръ, лазаретъ о которомъ буду говорить находился совершенно въ другомъ мѣстѣ, гораздо болѣе близкомъ къ дортуарамъ, пища воспитанницъ была несравненно лучше той которою мы пользовались и, какъ говорила мнѣ классная дама одного со мною выпуска, я теперь не узнала бы Смольнаго еслибы побывала тамъ подольше, а послѣ этого прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ. Сколько же должно было совершиться перемѣнъ!

Полагая что молодымъ поколѣніямъ будетъ интересно узнать что было 60 лѣтъ тому назадъ въ томъ заведеніи, гдѣ они провели свою юность, вмѣстѣ съ этимъ обращаюсь къ вамъ, оставшимся еще въ живыхъ, моимъ дорогимъ подругамъ. Читая эту книгу не забьется ли сильнѣе ваше старческое сердце, какъ вспоминая васъ и все то что связано съ вами въ моемъ воспоминаніи бьется то которое казалось давно уже умершимъ. Мысленно вызываю которую-нибудь изъ васъ, и она какъ живая встаетъ предо мною. Припоминаю даже звукъ ея голоса, можетъ-быть, давно уже умолкнувшій. И вотъ одна за другою проходите вы передъ моими старческими отуманенными слезою глазами, и я съ вами со всѣми прощаюсь, зная что уже недалеко то время, когда и я уйду вслѣдъ за тѣми кого уже нѣтъ.

Дозволено цензурою 3 января 1901 г.

2007334848

I.

Начну свои воспоминанія съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Нравы, обычаи и образъ жизни при крѣпостномъ правѣ для многихъ утеряны во времени, а нѣкоторымъ и совершенно неизвѣстны, я же буду о нихъ говорить чтобы пояснить съ какой почвы была я перенесена на почву воспитанія Смольнаго монастыря.

Начинаю помнить себя шестилѣтнимъ болѣзненнымъ, худымъ, капризнымъ и дикимъ ребенкомъ который при входѣ каждаго новаго лица старался убѣжать или спрятаться куда-нибудь. Мама моя, слабохарактерная, но въ высшей степени добрая женщина, очень меня баловала, и когда ей говорили о вредѣ этого баловства, она оправдывалась моею хлостію и слабостію, говоря что боится меня раздражать чтобъ я опять также не захворала когда они съ отцомъ оба меня уже благословили и съ замираніемъ сердца и тоской, какъ она говорила, ждали послѣдняго моего вздоха, но я ожила, оставаясь такимъ ребенкомъ, какъ мною было выше сказано.

Мы жили въ Галичѣ Костромской губерніи, гдѣ отецъ мой служилъ по выборамъ дворянства, на лѣто уѣзжая въ усадьбу въ трехъ верстахъ отъ города.

Съ тѣхъ поръ какъ начинаю себя помнить, за мной ходила няня, уже старая женщина изъ нашихъ крѣпостныхъ дворовыхъ, къ которой чрезвычайно была привязана, хотя причину этой привязанности до сихъ поръ не могу понять. Она никогда почти не ласкала меня и обращалась со мною грубо. Вообще это была недобрая женщина, или, вѣрнѣе сказать, вредный продуктъ крѣпостнаго права и свое озлобленіе вымещала на мнѣ. Мамѣ моей она часто досаждала своими грубостями, и когда выведенная изъ терпѣнія, мама жаловалась отцу, и онъ рѣшалъ отправить ее въ усадьбу и оттуда взять ко мнѣ другую няню, то я съ рыданіемъ бросалась на полъ, обнимая ноги отца и умоляя не трогать ее, и мнѣ всегда удавалось выпросить ей прощеніе, тѣмъ болѣе что сама мама, боясь чтобъ я не расхворалась, присоединялась къ моимъ просьбамъ. Тогда я брала няню за руку и скорѣе вводила ее наверхъ въ дѣтскую гдѣ дрожащими руками затворяла двери чтобы не слышали ея брани, и старалась ласками успокоить ее, но она всегда грубо меня отталкивала, называя барскимъ отродьемъ.

Помню какъ послѣ одной изъ такихъ сценъ придя со мной наверхъ она схватила шитье и больно, до крови, уколола себѣ иголкой руку. Еще болѣе разсердившись она пожелала себѣ сшить саванъ этой иголкой. Я знала что саванъ надѣваютъ на покойниковъ, знала

что такое смерть, еще недавно умеръ и хоронили моего маленькаго брата, и горько плача стала обнимать няню, прося ее не говорить этого, но она какъ будто обраловалась моему горю и по обыкновенію оттолкнувъ меня, стала скоро такъ говорить:

— Да, да, на меня надѣнуть саванъ, положить въ гробъ, заколотятъ его и зароютъ въ могилу, а ты и оставайся безъ твоей няньки.

Рисуя мнѣ эти картины, она разрывала мое маленькое сердце, заставляя его не по-дѣтски страдать. Эта первая моя привязанность дала мнѣ много горя и ничѣмъ хорошимъ не могу ее помянуть. Мнѣ шелъ уже восьмой годъ, а меня по причинѣ моей слабости все еще не начинали учить. Наконецъ, отецъ сказалъ что пора приниматься за азбуку. Для этого пригласили старую дѣвицу изъ духовнаго званія. Звали ее Аграфеной Петровной. Я ее знала, такъ какъ она у насъ и раньше часто гостила, и я любила слушать ея страшныя сказки. Это было добродушное существо, съ желтоватымъ испорченнымъ оспою лицомъ, съ маленькими глазками и такимъ же носикомъ. Ходила она всегда въ сарафанахъ и въ бѣлой полотняной съ длинными рукавами сорочкѣ. На головѣ носила темную косынку, изъ которой сдѣлано было въ родѣ уборчика который прямо и надѣвался, или, какъ тогда говорили, повязана была маленькою головкой.

По ея распоряженію мнѣ купили азбуку и сдѣлали указку, вродѣ маленькой деревянной вилочки. Я съ большою охотой принялась за ученіе и очень скоро выучила названіе буквъ: азъ, буки, вѣди и такъ далѣе, но когда дѣло дошло до складовъ, какъ на примѣръ: буки арцы азъ-ра бра, голова моя рѣшительно отказывалась понимать. Я кидала въ сторону азбуку и указку и начинала громко плакать, вызывая этимъ маму. Та приходила, смотрѣла не горяча ли моя голова, и ученіе прекращалось.

Тогда Аграфена Петровна посовѣтовала мамѣ велѣть выкрасить указку, не пойдетъ ли, дескать, дѣло лучше на ладъ, но и выкрашенная по ея совѣту въ голубую краску указка дѣла съ ученіемъ не подвинула, а, кажется, еще пошло хуже.

Надо сказать что все это я продѣлывала когда отецъ уходилъ на службу; училась же я въ комнатѣ рядомъ съ его кабинетомъ. Я его очень любила, но вмѣстѣ съ этимъ и страшно боялась, особенно его ременной трехвостки висѣвшей у него на гвоздикѣ въ кабинетѣ и которую иногда видала на нѣкоторыхъ въ дѣлѣ.

Отъ него мама и Аграфена Петровна тщательно скрывали мои капризы, и на вопросъ отца какъ идетъ ученіе, учительница моя скромно потупляла глаза, а мама отвѣчала неопредѣленно:

— Учится, начала тройные склады.

Но вот однажды, когда по моимъ разчетамъ отца не было дома, и когда мнѣ особенно нестерпимы показались азбука, указка и сама Аграфена Петровна, азбуку я изорвала, указку сломала и съ громкимъ плачемъ бросилась на полъ, стуча руками и ногами, то-есть, вызывая этимъ маму. Но каковъ же былъ мой испугъ когда въ дверяхъ вмѣсто нея увидѣла отца въ синемъ халатѣ подпоясанномъ чернымъ ремнемъ, въ большихъ круглыхъ очкахъ и съ ременною трехвосткой въ рукахъ. Такимъ онъ навсегда сохранился въ моей памяти. Подхвативъ меня съ пола, онъ положилъ меня на одно колѣно и сталъ жестоко наказывать. На мои вопли прибѣжала мама и когда ей съ Аграфеной Петровной съ трудомъ удалось вырвать меня изъ его рукъ, и она обливая меня слезами стала бранить отца, называя его варваромъ и тираномъ, какъ я хорошо помню, мнѣ сдѣлалось на нее досадно, на отца же не было ни малѣйшей злобы. Въ его оправданіе я должна сказать что, во-первыхъ, онъ былъ страшно вспыльчивъ и въ это время, какъ онъ самъ говорилъ, не помнилъ себя; во-вторыхъ, онъ питалъ особенное благоговѣніе къ учению и ученымъ, и конечно ему было горько что его любимая дочка хочетъ остаться неучемъ. Онъ былъ, какъ говорили знавшіе его люди, отъ природы человѣкъ очень умный, но не получившій никакого образованія, о чемъ всегда скорбѣлъ, и какъ онъ самъ сказывалъ, поступивъ въ 1799 году юнкеромъ въ полкъ, только тамъ научился читать и писать, но писалъ правильно, какъ я могла судить по его ко мнѣ письмамъ въ Смольный. Онъ сдѣлалъ кампаніи 1806, 1807, 1812, 1814 гг., былъ во многихъ сраженіяхъ и, какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, своею храбростію и отвагою служилъ примѣромъ воинамъ, за что награжденъ былъ орденомъ. Онъ вышелъ въ отставку въ 1815 году женившись сорока лѣтъ на мамѣ, когда ей было 17, и послѣ того постоянно служилъ по выборамъ дворянства. Что онъ жалѣлъ меня наказавъ такъ жестоко, я могу судить по тому что когда мой маленькій братъ вздумалъ при немъ смѣяться, говоря что онъ знаетъ по комъ сегодня гуляла трехвосточка, онъ такъ грозно на него закричалъ что тотъ сейчасъ же присмирѣлъ, а потомъ увелъ меня въ кабинетъ, гдѣ такъ ласково со мной говорилъ, между прочимъ, о томъ что я его очень огорчила нежеланіемъ учиться и отпустилъ меня, погладивъ по головѣ и глубоко вздохнувъ.

Съ этихъ поръ капризы мои все кончились, хотя ученіе нисколько не подвигалось. Какъ попугай повторяла я складки за Аграфеной Петровной, ничего не понимая; но вскорѣ должна была произойти перемѣна во всей моей жизни.

II.

Пріѣхалъ какъ то къ намъ родственникъ моей мамы, С. Ф. К., бывший тогда губернскимъ предводителемъ. Въ разговорѣ съ отцомъ онъ спросилъ, почему тотъ не подалъ прошенія о принятіи меня въ Смольный монастырь, гдѣ въ этотъ годъ должна была быть балотировка на пріемъ воспитанницъ.

На это отецъ отвѣтилъ что о старшей дочери онъ подавалъ во все институты и все безуспѣшно.

— Одной счастію, другой другое, сказала С. Ф. и совѣтовалъ сейчасъ же написать прошеніе и послать съ эстафетой въ Кострому.

Такъ и сдѣлали. И какова же была радость моего отца, когда черезъ нѣсколько времени пришла бумага о принятіи меня въ Смольный монастырь, куда я должна была быть представлена не позднѣе 1-го сентября. Это было въ 1839 году. Говоря о радости отца, я увѣрена что мама ее не раздѣляла. Не проходило дня послѣ этого извѣстія чтобъ она не плакала.

— Ну, какъ она можетъ вынести тысячеверстную дорогу, говорила она съ сокрушеніемъ качая головой и ломая руки, — да ее туда и живую не доvezутъ. Она тѣмъ болѣе сокрушалась что самой ей нельзя было меня провожать, такъ какъ находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности, отцу же нельзя было уѣхать отъ службы, и вотъ посовѣтовавшись между собою, рѣшились отправить меня съ сестрой моего отца которую мы все, дѣти, очень любили и звали ее тетей Вѣрой.

У отца были двѣ сестры: Татьяна и Вѣра Филипповны которыя хотя и жили въ одной съ нами усадьбѣ, но имѣли свой собственный домикъ, раздѣленный на двѣ половины, такъ какъ сестры вмѣстѣ не уживались.

Одна была олицетворенный порядокъ, это Татьяна Филипповна. Въ ея комнатахъ все блестѣло чистотой, и сама она всегда была опрятно одѣта и въ бѣломъ чепчикѣ, но мы, дѣти, рѣдко къ ней забѣгали, она была слишкомъ серіозна и все боялась чтобы мы не нарушали ея порядка. Другая, Вѣра Филипповна была олицетворенный безпорядокъ. Бывало когда пріѣхавъ въ усадьбу прибѣжишь къ ней, то всегда увидишь ползающаго на полу съ подоткнутымъ подоломъ и съ кускомъ въ рукахъ ребенка. Тутъ же ходили куры, индѣйки, утки которымъ насыпанъ былъ кормъ и налита вода и вездѣ стояли лужи. Она радостно насъ встрѣчала и отдавала приказаніе своей крѣпостной прислугѣ Екатеринѣ дѣлать намъ яичницу и принести сливокъ съ творогомъ.

Эта единственная ея прислуга усердно ей носила почти каждый годь ребяты и все мальчиковъ которыхъ тетя Вѣра очень любила и возилась съ ними. Когда, бывало, который-нибудь изъ нихъ раскричится, то Катерина строго ей скажетъ:

— Что вы, барышня, не уймете его и не возьмете на руки, и тетя Вѣра повиновалась, уговаривая его разными ласкательными именами.

Помимо любви ея къ этимъ ребятамъ, вѣдь это были будущія мужскія души, какъ ихъ тогда называли, то-есть, ея кормильцы и поильцы. Когда же она прѣзжала къ намъ въ городъ, я всегда съ восторгомъ ее встрѣчала.

Бывало, такъ и повиснешь у ней на шеѣ, а она уже въ это время побрякиваетъ въ карманѣ, гдѣ у нея вмѣстѣ съ ключами и табакеркой приготовлены конфеты или прянички, казавшіеся мнѣ и слаще и вкуснѣе дорогихъ лакомствъ привозившихся намъ иногда знакомыми отца, и вотъ я тащу ее въ комнаты, гдѣ она усаживается на кресло, кладя нога на ногу на которую я взбираюсь, и она начинаетъ качать меня высоко подбрасывая и припѣвая: „Ты желанка моя, ты миланка моя“.

Какъ Татьяна Филипповна, такъ и тетя Вѣра звали моего отца не иначе какъ „батюшка-братецъ“ и всякое слово его было для нихъ законъ. Репутація ихъ была самая безупречная, и когда ихъ спрашивали почему онѣ не вышли замужъ (въ то время о которомъ я пишу онѣ были уже старыя дѣвицы), онѣ всегда отвѣчали:

— Хорошіе женихи къ намъ не сватались, а за плохихъ мы сами не пошли.

Судьба Татьяны Филипповны впоследствии была очень печальна. У ней также была одна крѣпостная, или, какъ тогда говорили, одна женская душа, носившая ей дѣтей и въ числѣ прочихъ одну дѣвочку которую она крестила и къ которой страстно привязалась со всѣмъ пыломъ своего одинокаго сердца.

Все что она сама знала ей передала и относилась къ ней какъ къ родной дочери, и я помню какъ всѣ хвалили эту дѣвушку, но съ ней случилось несчастіе, она сдѣлалась беременной и со стыда предъ своею крестной сбѣжала отъ нея, а та отъ горя помѣшалась. Это случилось съ ней на послѣднемъ году моей жизни дома.

Помѣшательство ея было самое бурное, она все бѣгала ища маленькихъ дѣтей чтобы ихъ зарѣзать, и какъ насъ такъ и другихъ постоянно отъ нея скрывали; потомъ оно перешло въ тихое. Она только стонала, качаясь изъ стороны въ сторону, какъ будто отъ какой боли, и рѣдко приходила въ себя. Черезъ три года она умерла отъ чахотки, о чемъ я узнала уже въ Смольномъ.

Теперь перехожу къ прерванному разказу о моихъ сборахъ въ Петербургъ.

Надо напомнить что ни желѣзныхъ дорогъ, ни шоссе тогда не было, и ѣхавшій за тысячу верстъ какъ бы совершалъ какой подвигъ.

Отецъ и мама рѣшили отправить меня съ тетей Вѣрой въ своемъ экипажѣ на своихъ лошадяхъ, назначивъ кучеромъ прикащика Михайла какъ самое надежное лицо. Выдвинули изъ сарая зеленую бричку, осмотрѣли ее и нашли ее годною сдѣлать тысячеверстную дорогу, подобрали тройку лошадей могущихъ выдержать этотъ путь, и отецъ назначилъ день выѣзда 2-го августа.

Мама заливаясь слезами стала укладывать все нужное въ мой чемоданчикъ, отпуская также со мной кованый погребецъ, наполнивъ его разными слобными пирожками, конфетами и пряниками и между прочимъ уложила стеклянку съ гофманскими каплями, наказывая тетѣ Вѣрѣ въ случаѣ моего нездоровья накапать ихъ на сахаръ и дать ихъ мнѣ. Мама находила что онѣ мнѣ всегда помогали когда сильно расплачусь. Я же очень любила ихъ на сахарѣ, и помнится что даже отравила ими свою любимую кошку, желая ее полечить.

О себѣ скажу что въ это время я только и думала какъ бы скорѣе ѣхать, и мнѣ очень нравилось всеобщее за мною ухаживаніе. Дворовые цѣловали меня, говоря что я уѣду маленькой, а прѣйду къ нимъ большою барышней; всѣ вѣдь знали что меня увозятъ на девять лѣтъ, даже няня ласкала меня, говоря что вѣрно я ее забуду, но привязанность моя къ ней въ это время какъ будто исчезла.

Наконецъ наступилъ день отъѣзда. Послѣ напутственнаго молебна сѣли за столъ обѣдать. Отецъ посадилъ меня рядомъ съ собою, взялъ было ложку чтобы ѣсть супъ, и вдругъ ее опять назадъ положилъ и слезы покатались изъ его глазъ!

— Чувствую что уже въ послѣдній разъ сижу здѣсь съ тобою, Маша, и больше уже никогда съ тобой не увижусь, сказалъ онъ.

Мама же и за столъ не садилась, она лежала тутъ же на диванѣ обливаясь слезами. У меня слезъ не было, но внутри что-то странное стало происходить, и я съ тревогой поглядывала на всѣхъ.

Послѣ обѣда бричку съ кучеромъ Михайломъ отправили впередъ и велѣли остановиться на горѣ, а меня съ тетей Вѣрой пошли всѣ провожать. И вотъ когда мы приблизились къ этой горѣ, у меня какъ будто что-то оборвалось въ сердцѣ. Съ громкимъ рыданіемъ бросилась я къ мамѣ, обхвативъ руками ея ноги, и меня едва могли оторвать отъ нея. Всѣ плакали навзрыдъ, даже маленькій братишка мой съ которымъ мы такъ часто ссорились и тотъ утиралъ платкомъ глаза.

Отецъ взялъ меня на руки и я ухвативъ его шею руками и крѣпко къ нему прижавшись заливалась слезами. Онъ меня уговаривалъ, но слезы текли и у него изъ глазъ. Усадивъ меня въ бричку,

наложенную до верха подушками и наказавъ тетѣ Вѣрѣ беречь меня какъ зеницу ока, онъ крѣпко поцѣловалъ и перекрестилъ меня.

— Христосъ съ тобой! сказалъ онъ, — съ Богомъ! Трогай, Михайла!

Это былъ послѣдній поцѣлуй и послѣднія его слова, больше уже никогда мы съ нимъ не свидѣлись. Лошади тронулись, а я высунувшись изъ брички и поддерживаемая тетей Вѣрой сквозь слезы стала глядѣть какъ намъ махали платками, но вотъ послѣдній взмахъ и все скрылось за пригоркомъ.

Прощай Галичъ! Прощай все родное, ставшее съ этихъ поръ такимъ дорогимъ.

III.

Я не помню первыхъ впечатлѣній въ дорогѣ, не помню городовъ, какими мы ѣхали, но знаю что ѣхали не на Москву. Экипажъ нашъ не ломался и лошади шли хорошо. Михайлу было приказано отцомъ больше пятидесяти верстъ въ сутки не дѣлать и шибко не ѣхать чтобы не растрясти ребенка, какъ онъ говорилъ, значить въ дорогѣ мы должны были пробить около трехъ недѣль. Но вотъ къ концу нашего путешествія я стала чувствовать недомоганіе, ничего не ѣла, меня знобило и болѣла голова, и моя тетя Вѣра перепугалась, но тутъ же вспомнила что вѣдь есть цѣлебное лекарство, гофманскія капли, и сейчасъ же мнѣ дала порядочный приемъ на сахаръ и видя что не помогаетъ, еще и еще приемъ. Пользы не было, а показалась рвота. Но вотъ мы уже вѣзжаемъ въ Петербургъ.

Я встрепенулась и съ любопытствомъ стала глядѣть, и прежде всего меня поразило что всѣ, какъ мнѣ показалось, ѣдутъ вонъ изъ Петербурга. Я сказала объ этомъ тетѣ Вѣрѣ и та заволновалась.

— Стой, Михайло, стой, кричитъ она, — поглади-ко, знать что-нибудь случилось что всѣ ѣдутъ вонъ изъ Петербурга.

— Да я и самъ, барышня, смотрю да и думаю то же, отвѣчаетъ Михайло.

Лошадей остановили и спрашиваемъ перваго проходящаго мимо насъ: что случилось въ Петербургѣ что оттуда всѣ ѣдутъ? Тотъ смѣясь совѣтуетъ намъ смотрѣть сколько туда ѣдетъ.

Мы успокоились и лошади тронулись. Въ Петербургѣ для нашего приѣзда все обстоитъ благополучно.

По приказанію отца, мы остановились у нашего крѣпостнаго крестьянина, какого-то подрядчика. Помню, мы вошли въ комнату

съ грязными стѣнами и такимъ же поломъ изъ щелей котораго страшно дуло.

— Вы бы, Вѣра Филипповна, свезли маленькую барышню въ баню, говоритъ нашъ хозяинъ, видя что я вся дрожу, — здѣсь недалеко есть отличные номера въ двѣ комнаты съ коврами и даже если захочется пить, можно спросить меду.

Тетя Вѣра послушалась и не покупила взять хорошій номеръ, и когда меня вымыли, мнѣ очень захотѣлось пить и я напомнила ей о медѣ который она и велѣла намъ подать, и вотъ мы съ ней порядочно попили холодненькаго медку.

Какъ доѣхали изъ бани и что со мною было, я уже узнала послѣ изъ разказовъ тети Вѣры которая страшно перепугалась, видя меня въ жару и безъ памяти, и бросилась къ знакомымъ моего отца, Адамсъ, усадьба которыхъ была недалеко отъ нашей, и такъ какъ они жили въ Петербургѣ, то отецъ какъ сосѣдъ дѣлалъ имъ разныя услуги по управленію имѣніемъ. Когда мы поѣхали въ Петербургъ онъ далъ тетѣ Вѣрѣ ихъ адресъ съ наказомъ обращаться къ Амаліи Петровнѣ Адамсъ во всѣхъ затрудненіяхъ по моему опредѣленію въ Смольный.

Это были очень богатые люди, имѣли собственный большой домъ, кажется, на Владимірской улицѣ и держали своихъ лошадей.

Она сейчасъ же съ тетей Вѣрой приѣхала въ каретѣ и увезла меня къ себѣ. Когда я нѣсколько пришла въ себя, то вижу что лежу въ чистой кровати съ кисейными занавѣсками и возлѣ нея сидитъ мальчикъ который, увидѣвъ что я открыла глаза, сейчасъ же закричалъ:

— Бабушка, она очнулась.

Ко мнѣ подошла пожилая хорошо одѣтая дама.

— Ахъ! матинька моя, вѣдь надо тебя везти въ Смольный, говоритъ она, — а то, пожалуй, пропустимъ срокъ и тебя могутъ не принять.

И вотъ онѣ съ тетей Вѣрой которая была тутъ же и заливалась слезами начали меня одѣвать, но я и съ ихъ помощію едва удержалась на ногахъ.

По выраженію Амаліи Петровны, у меня были только кости обтянутыя кожей и до меня страшно было дотронуться какъ бы я вся не развалилась.

Когда меня одѣли и тепло закутали, мы всѣ втроемъ отправились въ Смольный.

Помню что меня ввели или скорѣе втащили въ большую комнату куда вышла очень дряхлая старушка въ бѣломъ капотѣ и въ бѣломъ чепчикѣ съ оборкой. Это была начальница Адлербергъ въ послѣдній годъ ея жизни.

Меня подвели къ ней и, какъ мнѣ послѣ разказывали, я упала

къ ногамъ ея безъ чувствъ, а она сказавъ: *Armes Kind* (бѣдное дитя), велѣла тотчасъ же унести меня въ лазаретъ.

Въ Смольномъ были тогда четыре доктора: Корнелиусъ, Ивановъ, Николаевъ и главный изъ нихъ Романусъ; когда же бывали опасно больныя, то приглашали придворнаго доктора Рюль.

Въ себя я не приходила и былъ ли въ лазаретъ Рюль случайно или за нимъ посылали, навѣрно не знаю, но по разказамъ смотрительницы, онъ осмотрѣвъ меня сказалъ что я не вынесу болѣзни и должна умереть.

— Такъ будетъ же она жить! сказалъ Романусъ по отъѣздѣ Рюль, и цѣлые часы просиживалъ надо мною борясь со смертію. Долго я была безъ памяти и, по словамъ смотрительницы, не одинъ разъ думали что я кончаюсь. Какая это была болѣзнь, не знаю, но до сихъ поръ помню что въ этомъ безпамятствѣ мнѣ все казалось что лѣзу на стѣну, обрываюсь, опять лѣзу и что это была страшно мучительная работа.

Но вотъ однажды открываю глаза и слабымъ голосомъ зову маму. Ко мнѣ подошла незнакомая женщина, у ней на глазахъ слезы.

— Мамы вашей нѣтъ здѣсь, говоритъ она, — и вы не дома, а въ лазаретъ Смольнаго монастыря.

Тогда я припомнила все и прошу позвать тетю Вѣру, но и та уѣхала изъ Петербурга, не смѣя послушаться батюшки-братца назначившаго ей срокъ дольше котораго она не должна была тамъ оставаться, какъ не смѣла пріѣхавъ домой сказать ему въ какомъ оставила меня положеніи. Она очень страдала, по ея словамъ впоследствии, ожидая извѣстія о моей смерти въ которой не сомнѣвалась.

Услышавъ объ ея отъѣздѣ и почувствовавъ себя одинокой и далекою ото всего роднаго и что такъ будетъ долго, долго, я заплакала горькими слезами. Послали за Романусъ. Онъ былъ въ восторгѣ, вѣдь Рюль присудилъ меня къ смерти, а онъ меня вырвалъ у нея, но все же думаю что въ попеченіи его обо мнѣ участвовало и состраданіе къ бѣдному отторгнутому отъ семьи умирающему ребенку, и память о немъ съ благодарностію живетъ въ моемъ сердцѣ.

— Ну, теперь мы пойдѣмъ на поправку, сказалъ онъ, не эта поправка продолжалась очень долго. Помню какъ-то недѣли черезъ двѣ попробовали при немъ спустить меня съ постели, но оказалось что я не владѣю ногами и сейчасъ же упала, и какъ онъ смѣялся говоря: — Вотъ мы съ тобой теперь пара, я на своихъ костыляхъ, а ты на своихъ, хоть кадрили танцовать.

Онъ не владѣлъ ногами и въ лазаретъ его носили въ креслахъ.

Это былъ сѣдой, высокій старикъ, суровый и строгій, его всѣ очень боялись, но со мной былъ ласковъ. Разспрашивалъ о домѣ, род-

ныхъ, и когда разказывая о нихъ и о тетѣ Вѣрѣ я готова была плакать, онъ утѣшалъ меня, говоря что мы непременно эту тетю Вѣру выпишемъ, и видя мое сомнѣніе прибавлялъ:

— Ну какъ она можетъ не пріѣхать, когда мы ее выпишемъ, и я готова была вѣрить, вѣдь мнѣ было только восемь лѣтъ.

Наконецъ дѣло дѣйствительно пошло на поправку. Сперва меня водили подъ руки и учили ходить, но день ото дня я дѣлалась все крѣпче и крѣпче, и Романусъ сказалъ что черезъ недѣлю выпустить меня изъ лазарета, но не иначе чтобъ я еще двѣ недѣли не училась, а пробыла это время въ маленькомъ лазаретѣ, находившемся на одномъ коридорѣ съ дортуарами (спальнями).

Въ это время какъ я лежала въ лазаретѣ приносили другихъ маленькихъ больныхъ, остававшихся тамъ не подолгу. Я съ ними знакомилась и онѣ со мной были ласковы, разказывали объ учителяхъ, классныхъ дамахъ.

Отъ нихъ я узнала что по просьбѣ тети Вѣры я была назначена въ дортуаръ классной дамы Ма—вой, бывшей такъ же какъ и я Костромской губерніи: она думала что мнѣ будетъ у нея лучше, но вышло какъ разъ наоборотъ, но объ этомъ послѣ.

Съ нетерпѣніемъ ждала я дня выхода изъ лазарета, но вотъ на послѣднихъ дняхъ моего тамъ пребыванія привели къ намъ одну дѣвочку, С—ву.

Это было маленькое, смугленькое, юркое существо, съ косыми глазами, съ большими оттопыренными ушами, съ остроконечною головой наверху которой торчалъ вихорь. Она постоянно грызла ногти и они у ней на половину были обкусаны.

Пришедши въ лазаретъ, она первое знакомство со мной начала съ того что чуть меня не прибила и еслибы не надзирательница за больными, очень добрая женщина (звали ее Марьей Васильевной), она непременно бы это исполнила. Марьѣ Васильевнѣ Романусъ основенно велѣлъ наблюдать за мной. Когда его принесли послѣ этого въ лазаретъ, она ему пожаловалась на С—ву и, Боже мой! что сдѣлалось съ моимъ старикомъ, я даже испугалась увидя его такимъ. Онъ застучалъ костылями, закрывалъ:

— Какой у ней *febris catharalis*, (какъ было написано у нея на доскѣ надъ кроватью) у ней просто *febris* притворялись, и велѣлъ ее сейчасъ же отвести обратно въ классъ.

Уходя изъ лазарета, она погрозила мнѣ кулакомъ, сказавъ:

— Выходи только отсюда, я тебѣ задамъ, вѣдь мы съ тобой въ одномъ дортуарѣ, и этимъ отравила мои ожиданія.

Наконецъ наступилъ этотъ день. Я пробыла въ лазаретѣ, какъ мнѣ сказали, ровно два мѣсяца.

Надо сказать, въ то время лазаретъ былъ очень далеко отъ классовъ и обыкновенно больныхъ сажали завернутыми въ одѣяло въ особо устроенное кресло безъ ножекъ, по бокамъ съ длинными палками, за концы которыхъ брались два служителя и несли, а впереди шла классная дама. Несли долго, поднимались и опускались по какимъ то лѣсенкамъ; но выздоравливающія уходили сами въ сопровожденіи женской прислуги которой было по двѣ на каждый дортуарь. Меня же Романусъ и изъ лазарета велѣлъ такимъ же образомъ, завернутою въ одѣяло и въ больничномъ бѣломъ балахонѣ, отнести въ дортуарь, наказавъ еще разъ чтобы двѣ недѣли продержали меня въ маленькомъ лазаретѣ въ то время какъ другія пойдутъ въ классъ учиться.

Когда меня принесли, служащая дѣвушка ввела меня въ огромную комнату, по обѣимъ сторонамъ которой, съ проходомъ по серединѣ, стояли кровати, возлѣ каждой изъ нихъ по столику, а въ концѣ по табуреткѣ. На обоихъ концахъ этой комнаты стояло по большому столу, за которыми, когда я вошла, сидѣло много дѣвочекъ. Былъ какой-то праздникъ и классовъ не было. Меня подводятъ къ одному изъ нихъ, всѣ смотрятъ съ любопытствомъ, но я уже издали вижу моего маленькаго врага, который коварно улыбается давая мнѣ мѣсто около себя.

Классной дамы въ это время не было за столомъ.

Начинается разговоръ. С—ва спрашиваетъ меня:

— Ты ѣла жирандольки? Я отвѣчаю что не знаю что такое жирандольки. Она меня толкаетъ больно локтемъ въ бокъ, такъ что у меня наворачиваются слезы.

— Mesdames, она не знаетъ что такое жирандольки, а сама опять толкаетъ въ бокъ. Одна изъ дѣвочекъ поддерживаетъ С—ву и говоритъ что она ѣла жирандольки и что они очень вкусны. Всѣ смѣются. Продолжается допросъ моей мучительницы.

— Ты кого обожаешь? и на мой отвѣтъ что не знаю что такое обожать, она меня больно щиплетъ и я готова разрыдаться, мысленно призывая Романусъ. Но тутъ всѣ за меня вступились, закричали на С—ву, говоря что пойдутъ жаловаться m-me Ма—вой и начали мнѣ рассказывать что такое обожать. Это стараться видѣть обожаемый предметъ, который былъ обыкновенно изъ дѣвицъ старшаго класса, и когда она мимо проходитъ, то кричатъ ей вслѣдъ: ange, beauté, incomparable, céleste, divine et adorable, разумѣется не при классной дамѣ, потомъ писать обожаемое имя на книгахъ и тетрадяхъ съ восклицательными знаками и съ прибавленіемъ тѣхъ же самыхъ словъ.

Но я иначе поняла это обожаніе и подумала что вѣрно няню

обожала, но не смѣла сказать. Тогда вспомнила что передъ моимъ отъѣздомъ изъ дома старшая сестра моя, которую только за недѣлю передъ этимъ привезли изъ пансіона, говорила мнѣ что въ Смольномъ воспитывается одна изъ ея подругъ Машенька Перелешина, которая вмѣстѣ съ ней одно время была въ пансіонѣ и которой она велѣла мнѣ передать поклонъ, вотъ я и сказала что обожаю ее, но предметъ выбранный мною для обожанія я только увидѣла черезъ двѣ недѣли, такъ какъ должна была пробыть это время въ маленькомъ лазаретѣ, и оно было самое тоскливое для меня.

Въ восемь часовъ утра мои подруги попарно уходили въ классъ и предъ ученіемъ въ рекреационномъ залѣ онѣ читали молитвы, послѣ чего имъ давалось по полустакану молока и по куску булки. Меня же отводили въ маленькій лазаретъ, назначеніе котораго было больше для страдающихъ зубами и куда по пятницамъ пріѣзжалъ зубной врачъ Вагенгеймъ и дергалъ зубы имѣющимъ въ томъ надобность; но въ то время какъ я была тамъ, никого не было кромѣ надзирательницы этого лазарета m-me В—de, худой съ желтоватымъ капризнымъ лицомъ старухи, и ея прислуги Ильзы, казавшейся мнѣ похожей на колдунью изъ сказокъ Аграфены Петровны. Это была лѣтъ 80-ти старуха, смотрящая постоянно внизъ и что-то бормотавшая на непонятномъ мнѣ языкѣ. На ней былъ надѣтъ какой-то ватный чепецъ изъ-подъ котораго выбивались космы сѣдыхъ волосъ. Ни та ни другая не обращали на меня никакого вниманія, только въ 12-ть часовъ приносили мнѣ обѣдать.

Иногда я слышала, какъ за перегородкой гдѣ онѣ сидѣли отворялась дверь и входилъ молодой человекъ съ сердитымъ лицомъ (ея сынъ). Начинаясь разговоръ на непонятномъ мнѣ языкѣ, превращавшійся скоро у m-me В—de въ плачь, а у него въ крикъ. Всегда кончалось тѣмъ что онъ уходилъ сильно хлопнувъ дверью, такъ что все дрожало, и снова воцаряется тишина прерываемая только сморканьемъ m-me В—de, бормотаніемъ Ильзы да тиканьемъ часовъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждала я пяти часовъ вечера чтобы уйти въ дортуарь, куда возвращались къ этому времени дѣвочки изъ класса.

Наконецъ прошли эти двѣ недѣли. Мнѣ принесли коричневое камлотовое платье, бѣлый полотняный передникъ, пелеринку и рукавички и поставили въ пару чтобъ идти въ классъ.

Помѣстили меня съ самыми слабыми ученицами, такъ какъ я и читать еще не умѣла, но послѣ перенесенной мною болѣзни у меня оказались очень хорошія способности и отличная память, такъ что я скоро догнала и перегнала моихъ подругъ и черезъ годъ была переведена въ 1-е отдѣленіе, гдѣ были лучшія ученицы.

Кромѣ того изъ болѣзненнаго хилаго ребенка я превратилась въ здоровую краснощекую дѣвочку и во всѣ почти девять лѣтъ ни разу не была въ лазаретѣ; даже во время эпидемическихъ болѣзней, на примѣръ, кори, скарлатины и проч., была въ числѣ немногихъ незараженныхъ.

Когда я въ первый разъ отправилась вмѣстѣ со всѣми въ столовую, то просила показать мнѣ Перелешину, которая въ это время была въ голубомъ классѣ; послѣ объясню эти названія. У каждаго класса были совершенно отдѣльные столы, и я могла только издали на нее глядѣть, и вотъ внезапно у меня загорѣлась сильная къ ней привязанность: вѣдь одно ея имя мнѣ напоминало далекое родное! Я не кричала ей когда она мимо меня проходила: ange, beauté и такъ далѣе, но когда ее видѣла, то темнѣло въ глазахъ и билось сильно сердце.

Помню что я просила одну изъ подругъ передать ей поклонъ отъ сестры и, когда она подошла ко мнѣ и стала спрашивать о ней, я была въ большомъ восторгѣ и долго жила этимъ, вспоминая каждое ея слово.

Эта привязанность, единственная не давшая мнѣ никакого горя, продолжалась четыре года. Ее взяли изъ Смольнаго раньше выпуска.

IV.

Теперь буду говорить о своей классной дамѣ Ма—вой, отъ которой была въ зависимости всѣ 8 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, находясь въ ея дортуарѣ. Когда я поступила, это была старая дѣвица лѣтъ подъ шестьдесятъ. Лицо у ней было смуглое, испорченное оспой, съ длиннымъ носомъ и широкимъ ртомъ съ большими желтыми зубами, волосы были черные съ просѣдью; носила она всегда чепчики съ яркими лентами, синее платье и красную турецкую шаль. На третьемъ пальцѣ у ней было надѣто черное эмалевое кольцо съ золотыми словами и, если которая изъ дѣвочекъ досаждала ей, то сгибая этотъ палецъ, старалась кольцомъ ударить прямо въ темя провинившейся.

Она внушала намъ что мы не должны любить родителей, а любить только ихъ, такъ какъ тѣ только дали намъ жизнь. Но эти внушенія производили совершенно обратное дѣйствіе; чувствовалась обида въ сердцѣ за своихъ родныхъ, которые еще съ большею любовью вспоминались, а къ ней накопала въ сердцѣ ненависть.

Кромѣ того, она часто заставляла насъ писать домой о присылкѣ

денегъ, на которыя ничего почти не покупала, и онѣ у нея безслѣдно исчезали.

Какъ вообще она къ намъ относилась приведу слѣдующій разказъ.

Въ маленькомъ классѣ, то-есть, въ кофейномъ, классныя дамы по вечерамъ помогали намъ готовить уроки къ слѣдующему дню, и вотъ однажды, года черезъ два послѣ моего поступленія, сидимъ мы всѣ за столомъ въ дортуарѣ, я по правую руку отъ Ма—вой. Готовили урокъ изъ Закона Божія, и Ма—ва разказывала какъ Духъ Святой снишелъ на Дѣву Марію и, желая объяснить это нагляднымъ образомъ, нагнулась ко мнѣ открывъ широко свой ротъ идохнула прямо мнѣ въ лицо, я невольно отшатнулась, а глядя на меня сидѣвшія напротивъ двѣ дѣвочки не могли удержаться отъ смѣха, и вотъ она съ силою вытаскиваетъ насъ всѣхъ трехъ изъ за стола, толкаетъ къ стѣнѣ и грозя каждой передъ носомъ пальцемъ, кричитъ съ цѣной у рта:

— Я левъ, я звѣрь! Я мстительница! Не любите меня, но бойтесь хуже звѣря! Я вамъ дамъ дурной атестатъ и васъ никто замужъ не возьметъ!

Во время своего дежурства въ классѣ, она, постоянно дремавшая, вдругъ проснется и бѣда той съ которой она встрѣтится глазами, сейчасъ же ей закричитъ: „Встань и стой!“ или вытащитъ ее за рукавъ и поставитъ среди класса, то-есть, накажетъ совершенно виновную, и мы должны были молча сносить. Протестъ съ нашей стороны сочли бы за дерзость. Конечно, это приучало насъ къ терпѣнію, и въ жизни, можетъ-быть, нѣкоторымъ оно и пригодилось, и еслибы практиковалось ею собственно для этой цѣли, можно было бы и извинить, но вѣдь мы чувствовали что она насъ всѣхъ за что-то ненавидитъ и платили ей тѣмъ же.

Особенно она преслѣдовала одну славную добрую дѣвочку, которую мы всѣ очень любили за ея кротость и передѣлавъ фамилію звали Курочкой.

И вотъ отъ этой-то особы мы должны были зависѣть всѣ девять лѣтъ, особенно тѣ которыя были въ ея дортуарѣ, такъ какъ подъ ея наблюденіемъ вставали и ложились спать, а также, какъ я уже говорила, готовили съ ней уроки.

Припоминается мнѣ, когда мы были въ кофейномъ классѣ, послѣ того какъ обѣ классныя дамы (ихъ было по двѣ на каждую спальню) уложивъ насъ уходили къ себѣ, нѣкоторыя въ нашемъ дортуарѣ, въ томъ числѣ и я, потихоньку собирались къ одной которой-нибудь на кровать и любили разказывать и слушать что-нибудь страшное.

Одинъ изъ этихъ разказовъ, который мы знали почти наизусть, особенно намъ нравился. Вотъ онъ.

Одна молодая дѣвушка похвастала своимъ подругамъ что въ 12-ть часовъ ночи одна пойдетъ на колокольню. Ей не вѣрили, но она пошла и въ доказательство что была тамъ принесла саванъ, съ кого-то будто ею сдернутый, и вотъ съ тѣхъ поръ каждую ночь къ окошку ея кто-то подходит и кричить: „подавай мой саванъ! Подавай мой саванъ!“

Тогда съ общаго совѣта ее одѣли во все бѣлое, причастили и отправили возвращать саванъ на ту же колокольню въ 12-ть часовъ ночи.

Но тутъ слѣдовали уже разные варианты, зависящіе отъ разказицы. Одна говорила что на другой день не нашли ни дѣвушки, ни савана, другая разказывала что когда она туда взшла, колокольня рухнула и она исчезла, но главная суть была въ томъ чтобы какъ можно страшнѣе сказать: „подавай мой саванъ! Подавай мой саванъ!“

Что касается до меня, то я больше любила слушать, и вотъ однажды, помнится мнѣ, слушая эти разказы, мысленно перенеслась я за тысячу верстъ. Сумерки. Мы сидимъ съ Аграфеной Петровной въ дѣтской. Она прядетъ, а я у ея ногъ на скамеечкѣ. Веретено жужжитъ и она прикусывая нитку и своеобразно ею шелкая, навивая на него, начинаетъ сказку, стараясь сдѣлать голосъ свой страшнымъ:

Всѣ по селамъ спать,
По деревнямъ спать,
Одна баба не спитъ,
Мою лапу сосѣтъ,
Мою шерстку прядетъ.

Но какъ разъ въ это время гаснетъ ночникъ, и мечты мои разлетаются. Дрожа отъ страха и толкая другъ друга мы бѣжимъ къ нашимъ кроватямъ. Происходитъ небольшой шумъ, въ дверяхъ показывается классная дама и кричитъ: silence! А мы бросаемся на наши постели, зарываясь съ головой въ одѣяло.

Говоря въ началѣ этой главы о Ма—вой, не могу не вспомнить добромъ другихъ классныхъ дамъ которыя относились къ намъ справедливо, внушая хорошія и честныя правила.

Особенно изъ нихъ была прекрасная личность Радищева которая обращалась съ нами какъ мать съ дѣтьми, а потомъ смѣнившая ее Дитмаръ; классная дама Самсонова была очень строгая, но справедливая, мы уважали и боялись ее. Конечно, онѣ всѣ были большія формалистки и до нашего внутренняго міра имъ никакого не было дѣла, да и не было никакой возможности проникнуть въ него. Въдъ у каждой изъ нихъ насъ было по двадцати человѣкъ и болѣе.

Свой внутренній міръ мы открывали другъ другу. Отъ этой замкнутости получалось особенное единеніе и дружба. Мы интересовались всѣмъ что касалось каждой изъ насъ, и это была какъ будто одна дружная семья, состоящая изъ полутора ста человѣкъ.

Тогда какъ я поступила, въ одномъ зданіи Смольнаго были двѣ половины: одна на которую я была принята называлась благородной и тамъ воспитывались дѣти дворянскаго происхожденія, ученіе которыхъ продолжалось 8 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Туда принимались дѣвочки съ восьмилѣтняго возраста.

Другая половина называлась мѣщанской, хотя, кажется, мѣщанскихъ дѣтей тамъ не было, а больше дѣти чиновниковъ не дворянскаго происхожденія. Ученіе здѣсь продолжалось 6 лѣтъ.

Воспитанницы обѣихъ половинъ видѣлись только въ церкви, хотя ухитрялись между собою ссориться. Такъ, я помню, подъ запертую садовую калитку подсунута была къ намъ съ той половины записка въ стихахъ, гдѣ насъ упрекали въ гордости, совѣтуя чаще читать басню о гусяхъ и кончалась эта записка словами басни:

„Да, наши предки Римъ спасли.“

При насъ произошло переименованіе обѣихъ половинъ. Нашу стали звать Николаевской, а мѣщанскую Александровской.

На нашей половинѣ было три класса.

Младшіе назывались кофейными и носили коричневаго цвѣта платья. Средній классъ назывался голубымъ и платья были голубаго цвѣта, а старшій выходной почему-то назывался бѣлымъ, хотя платья носили зеленаго цвѣта. Въ кофейномъ и голубомъ должны были пробыть по три года, въ бѣломъ 2 года и 9 мѣсяцевъ.

Переходили изъ класса въ классъ не по ученію, а обязательно по истеченіи опредѣленнаго срока. Такъ въ нашемъ классѣ были двѣ воспитанницы, которыя при выпускѣ едва умѣли написать свои фамиліи, ихъ учителя уже и не вызывали къ отвѣту уроковъ, а только ставили въ книгѣ нули, но онѣ были смиренныя и ихъ держали, тогда какъ С—ву (которая спрашивала меня про жирандольки) исключили изъ Смольнаго, главное за то что не могли отучить ее отъ постыдной привычки тащить все чужое.

При переходѣ изъ класса въ классъ мы мѣняли и помѣщеніе, но классныя дамы оставались при насъ тѣ же и переходили вмѣстѣ съ нами.

Ихъ было по восьми на каждый классъ, состоящій изъ полутора ста человѣкъ, значить, во всѣхъ трехъ классахъ было приблизительно 450 воспитанницъ; нѣкоторыхъ брали раньше выпуска, и число это уменьшалось.

Обѣдали всѣ въ одной столовой, громадной залѣ, раздѣленной

двумя рядами колоннъ, по срединѣ ихъ помѣщались бѣлыя, а за ними съ одной стороны голубыя, а съ другой кофейныя.

При каждомъ классѣ было по одной инспектрисѣ. Въ то время какъ я поступила въ старшемъ классѣ была Денисьева, въ голубомъ Панчулидзева, а въ нашемъ, то-есть, въ кофейномъ, инспектрисой была Бельгардъ, мать кавказскихъ героевъ, Карла и Валеріана Александровичей, и я помню какъ Государь, пріѣхавшій къ намъ и которому начальница ее представила, хвалилъ ихъ назвавъ молодцами.

Начальницей на нашей половинѣ, то-есть, на Николаевской, была Адлербергъ, которая вскорѣ умерла и мѣсто ея заступила Марья Павловна Леонтьева, урожденная Шипова, остававшаяся на этой должности до самой глубокой старости.

На Александровской половинѣ была своя начальница, фамилія ее была Кассель.

Главный же начальникъ надо всѣми былъ принцъ Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій, пріѣзжавшій къ намъ каждую недѣлю.

Въ каждомъ классѣ были 4 отдѣленія: два первыя гдѣ были лучшія ученицы, и два вторыя съ болѣе слабыми. Отдѣленія эти назывались городскими и невскими, по окнамъ выходящимъ на улицу и на Неву. Намъ преподавали: законъ Божій, исторію, географію, математику, русскую словесность, французскій и нѣмецкій языки.

Въ кофейномъ классѣ все это преподавалось въ сжатомъ видѣ, въ голубомъ въ болѣе обширномъ, а въ бѣломъ еще обширнѣе и кромѣ того въ этомъ послѣднемъ классѣ преподавали на французскомъ языкѣ ботанику, минералогію, зоологію и физику, все это, конечно, въ сжатомъ видѣ.

Физическій кабинетъ былъ подаренъ Смольному шведскимъ королемъ Густавомъ III, портретъ котораго висѣлъ у начальницы въ залѣ напротивъ портрета Бецкаго.

Въ благодарность за это принимались на казенный счетъ шесть шведскихъ, дворянскаго происхожденія, дѣвочекъ. Изъ нихъ со мной были приняты: Гранфельдъ, Мелина, Торстенъ-Тавастъ, Ребиндеръ, Шанцъ и самая маленькая изъ нихъ графиня Кронгельмъ которой не было еще и восьми лѣтъ.

Это было очень миниатюрное существо съ шапкою вьющихся золотого цвѣта волосъ. Она ни слова не говорила по-русски и тоненькимъ голоскомъ распѣвала шведскую пѣсенку съ припѣвомъ: „Лики, лики, люнда, тра-ла-ла-ла.“ Начальница, должно-быть, что-нибудь объ ней докладывала императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, и ее велѣно было привезти во дворецъ, гдѣ она пробыла цѣлый день, играя и рѣзвась съ великими княжнами и потѣшая всѣхъ незнаніемъ

и непониманіемъ что такое государь, государыня и всѣ окружающіе ихъ люди. Особенно залюбовалась она на золотыя рыбки, и великая княжна Александра Николаевна научила ее подойти къ государю, бывшему въ это время тутъ, дернуть его за фалду и сказать указывая на рыбокъ: „Царь, рыба“, что она сейчасъ же и исполнила, сказавъ вмѣсто рыба—риба. Можно представить себѣ взглядъ императора Николая Павловича на этого маленькаго пигмея, думавшаго, вѣроятно, въ это время: „И какой же этотъ дядя высокій что я должна смотрѣть на него какъ на небо.“ Все это мы слышали отъ нашихъ классныхъ дамъ, а тѣ отъ начальницы возившей ее во дворецъ. Впослѣдствіи это была талантливая, красивая, стройная, высокая дѣвушка, съ такими длинными вьющимися червоннаго цвѣта волосами что когда она ихъ расчесывала, они покрывали ее какъ епанча.

Въ каждомъ классѣ были свои учителя и рѣдкіе изъ нихъ преподавали во всѣхъ трехъ классахъ. Изъ нихъ помню: инспектора Тимаева читавшаго въ бѣломъ, т.-е., въ старшемъ классѣ русскую исторію, Чистякова — русскую словесность, Шомбергъ — географію, Буссе — математику, Помье — физику. Но особенно вѣздалась въ память личность Никитенка, цензора, хотя я была тогда еще въ кофейномъ классѣ и видала его только въ актовомъ залѣ.

Это былъ средняго роста брюнетъ съ вьющимися черными волосами и блестящими черными глазами, и онъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ учителей. Имя его постоянно повторялось воспитанницами бывшаго тогда при мнѣ бѣлаго, т.-е., старшаго, класса котораго его боготворили, а послѣ ихъ выпуска заступившія ихъ мѣсто голубыя чуть не плакали, узнавъ о подачѣ имъ прошенія объ отставкѣ и немногимъ изъ насъ, значитъ, выпало счастье быть согрѣтымъ этимъ свѣтлымъ лучомъ.

За преподаваніемъ зорко слѣдили чтобы не было какого опаснаго вѣянія и чтобы хотя кончикъ не былъ приподнятъ той завѣсы которая отдѣляла насъ отъ того таинственнаго, волшебнаго и прекраснаго по нашимъ понятіямъ міра который былъ за нашими стѣнами.

Насъ никуда не выпускали; даже если кто изъ родителей воспитанницы, живущій въ Петербургѣ, опасно занемогалъ и желалъ видѣть ее, то она отпускала въ нѣсколько часовъ въ сопровожденіи классной дамы и не иначе какъ съ разрѣшенія императрицы которое испрашивала начальница.

Лѣто мы проводили въ нашемъ огромномъ саду, съ широкими симметрически расположенными и усыпанными пескомъ аллеями, об-

несенномъ со стороны Невы высокою каменною стѣной, а съ другой стороны зданіями Смольнаго.

Здѣсь съ самаго утра, если дождя не было, собирались всѣ три класса, и я бывало выбирала и садилась на скамейку по близости того мѣста гдѣ читала или занималась Машенька Перелешина, и была совершенно счастлива, хотя она и не подозрѣвала этого.

Одинъ разъ въ лѣто насъ водили попарно въ Таврической садъ, отстоящій, какъ извѣстно, недалеко отъ Смольнаго, по улицамъ тогда еще плохо застроеннымъ и пустыннымъ, такъ что мы почти никого не встрѣчали, но все-таки въ огражденіе насъ по бокамъ шли полицейскіе, и въ это время въ Таврической садъ никого изъ постороннихъ не пускали.

Придя туда мы большею частію ходили попарно, развѣ на какой лужайкѣ позволятъ намъ побѣгать, зорко слѣдя чтобы не убѣжалъ кто въ сторону. Потомъ опять собирали насъ въ пары и мы возвращались въ Смольный въ такомъ же порядкѣ и въ сопровожденіи тѣхъ же полицейскихъ.

Зимой въ хорошую погоду водили попарно гулять въ садъ, а въ дурную также попарно черезъ холодные, свѣтлые съ каменнымъ поломъ коридоры, въ громаднѣйшую въ два свѣта пустую и холодную залу, кругомъ которой обводили насъ разъ пять также по парамъ, послѣ чего и возвращались въ классы. Зала эта, какъ говорили, при Екатеринѣ II служила мѣстомъ для спектаклей изъ воспитанницъ, куда пріѣзжала императрица со своимъ дворомъ, но при насъ эта зала стояла въ заустѣнни и не имѣла никакого назначенія.

Надо опять напомнить что все описываемое мною было 60 лѣтъ тому назадъ, когда не было еще желѣзныхъ дорогъ и когда сообщеніе съ Петербургомъ было очень трудно: многіе родители дальнихъ губерній, подобно моимъ, не имѣли возможности навѣщать своихъ дѣтей. Не видя никого изъ родныхъ до самаго выпуска, многія изъ насъ забывали средства и образъ жизни своихъ родителей, иногда очень бѣдныхъ и, слушая разказы богатыхъ подругъ, родители которыхъ жили въ Петербургѣ и часто ихъ навѣщали, начинали думать что послѣ выпуска будутъ такъ же выѣзжать и блистать въ обществѣ какъ собирались первыя, не подозрѣвая что, можетъ-быть, сейчасъ же по выходѣ изъ Смольнаго должны зарабатывать свой хлѣбъ и идти въ гувернантки, а къ этому-то насъ и не готовили. Никто не говорилъ намъ что жизнь требуетъ труда и къ этому надо имѣть и навыкъ и готовность, а все это какъ будто умышленно скрывали, и мы думали что за стѣнами нашего монастыря идетъ вѣчный жизненный праздникъ въ которомъ мы всѣ будемъ участвовать. И

вотъ съ такими-то понятіями, съ такимъ незнаніемъ жизни мы вступали въ свѣтъ, и нѣкоторыя попадая къ недобросовѣстнымъ людямъ погибали, но вмѣстѣ съ этимъ должна сказать что много знаю и такихъ изъ которыхъ вышли терпѣливыя, твердыя, самоотверженныя женщины, какъ, напримѣръ, Ельчанинова, вполнѣдствіи Невельская которою не только мы, бывшія ея подруги, должны гордиться, но должна гордиться и Россія что у ней были такія женщины. Объ ней я буду еще послѣ говорить.

V.

Въ 1842-мъ году былъ первый при мнѣ выпускъ.

Въ числѣ прочихъ выходили: Полтавцева, вполнѣдствіи, какъ я слышала, мать Скобелева, двѣ сестры Каховскіе, дочери декабриста, Капчукова, знатнаго рода Калмычка поражавшая насъ своимъ типомъ лица: чрезвычайно выдающіяся скулы, узенькіе какъ щелки продолговатые глаза, смугло-желтоватый цвѣтъ лица и черные волосы. Но при этомъ она была стройна и улыбка ея была очень симпатична. Она владѣла огромнымъ превосходнымъ голосомъ и когда пріѣзжалъ кто изъ царской фамиліи, то ее всегда заставляли пѣть и въ числѣ прочихъ романсовъ непременно:

Аль опять не видать

Прежней красной доли, и т. д.

Кончала также воспитаніе Тереза Гурійская, изъ владѣтельныхъ грузинскихъ царевенъ. Это была очень веселая, большая хохотунья и красивая дѣвушка, портила ее излишняя полнота, отчего ходила переваливаясь какъ уточка. Послѣ выпуска она оставалась въ Смольномъ на особомъ положеніи и занимала тамъ очень хорошее помещеніе. Вскорѣ она была сосватана за князя Дадіанъ, и государь былъ посаженнымъ отцомъ, а великая княжна Ольга Николаевна на-кальвала ей вѣнчальную вуаль.

Не могу не вспомнить при этомъ выпускѣ такъ называемаго императорскаго вечера, бывшаго вродѣ экзамена танцевъ, музыки и пѣнія для выпускныхъ дѣвицъ, на который пріѣзжала почти вся царская фамилія.

По окончаніи экзамена на которомъ пѣли соло Капчукова, Купферъ, Снаксарева должна была состояться кадрили, въ которой хотѣли принять участіе и высочайшія особы, въ томъ числѣ и великіе князья

Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, ходившіе тогда еще въ курточкахъ, но государь узнавъ что они забыли взять перчатки, услалъ ихъ сейчасъ же домой, хотя начальница и предлагала имъ свои. Они прошли мимо насъ смущенные въ сопровожденіи какого-то пожилаго господина въ статскомъ платьѣ, и мы очень имъ сочувствовали.

Это послужило темой нравоученія для нашей Ма—вой, когда мы пришли послѣ этого въ дортуаръ.

— Видѣли вы что и царскихъ дѣтей наказываютъ, не только что васъ, негодяекъ! (любимое ею намъ названіе).

Послѣ этого выпуска мы переходили въ голубой классъ и начинали считать себя взрослыми дѣвцами, хотя никто этого не признавалъ, но уже класснымъ дамамъ было довольно трудно добиться чтобы мы правильно и молча ходили въ парѣ, что вполнѣ достигалось въ кофейномъ классѣ, особенно классною дамою Самсоновой.

Бывало она пересчитавъ всѣ пары и осмотрѣвъ чтобъ онѣ были въ стройномъ порядкѣ, какъ офицеръ говорящій своимъ солдатамъ: „смирно“, обернется къ намъ и скажетъ: „silence“, и мы скользимъ безмолвно какъ тѣни по коридору, только слышенъ шелестъ ея шелковаго платья.

По переходѣ въ голубой классъ, прибавилось занятій и уроки уже приготавливали сами, безъ помощи классной дамы. Учителя большею частію были другіе.

Помнится мнѣ, въ это время привезли въ нашъ классъ новенькую, это была княжна Го—на. Ея мать, какъ говорили, жила въ Италіи и перешла въ католичество, и отецъ желая удалить дочь отъ вліянія матери отдалъ ее къ намъ въ Смольный.

Помню ее ходящею одиноко съ заплаканными глазами по нашимъ широкимъ алейамъ. Она ни слова не говорила и не понимала по-русски, а только по-французски, и мы этимъ почему-то возмутились и рѣшили, если она заговоритъ по-французски, отвѣчать ей по-русски; но она скоро привыкла къ намъ, училась очень хорошо и была веселою, доброю подругой. Впослѣдствіи у ней оказался превосходный голосъ сопрано. Ей были даны нѣкоторыя льготы, такъ, на примѣръ, возлѣ ея кровати поставили комодъ съ небольшимъ на немъ кіотомъ съ образами, и каждый почти день навѣщали ее отецъ или старшія сестры, а бонна постоянно привозила ей завтракъ состоявшій изъ котлетъ или чего-нибудь вкуснаго, дразнящаго нашъ аппетитъ.

Надо сказать что насъ очень плохо кормили, мы всегда были голодныя. Не говорю уже изъ какой провизіи и какъ были приготовлены кушанія, съ этимъ, пожалуй, мы бы и примирились, еслибы хотя порціи были побольше, или давали достаточно чернаго хлѣба,

но все это было такъ акуратно размѣрено что изъ-за стола мы выходили всегда голодныя, а мы вѣдь росли и постоянно были въ движеніи.

Помню, за ужиномъ въ число двухъ полагающихся кушаній давали миниатюрный квадратикъ чухонскаго масла, иногда сильно отдававшій скипидаромъ, въ которомъ было наполовину кусковъ соли, такъ что имъ едва покрывался тонкій ломоть чернаго хлѣба, а когда бывалъ чуть, чуть подслащенный клюквенный кисель, то для сытости мы его намазывали какъ масло на хлѣбъ.

Не знаю, чья была эта вина, но говорили что раньше до насъ было иначе; столъ былъ гораздо сытнѣе и лучше, мы же вынесли девятилѣтнюю голодовку, но за то когда была свадьба наслѣдника, впослѣдствіи императора Александра II, насъ захотѣли хорошенько угостить и подали за обѣдомъ жаренаго гуся нарѣзаннаго огромнѣйшими кусками. Намъ онъ такъ понравился послѣ нашей голодовки что мы эти куски съѣли безъ остатка съ придачей на каждую двухъ большихъ слоеныхъ пироговъ съ вареньемъ; накушавшись вдоволь половина изъ насъ отправлена была въ лазаретъ.

Денегъ намъ не позволялось имѣть на рукахъ, онѣ должны были быть у той классной дамы, въ дортуарѣ которой была воспитанница, но тѣ, у которыхъ родные жили въ Петербургѣ, постоянно имѣли при себѣ эту контрабанду и часто просили солдата дававшего намъ звонки купить что-нибудь съѣдобное и въ числѣ этого непременно излюбленные маковники и по сезону мороженныя яблоки.

Настоящее имя этого солдата было Степанъ, но онъ намъ казался какъ бы обросшимъ мохомъ, и мы прозвали его Мохинимъ, и вотъ когда Мохинъ даетъ утренній звонокъ въ 6 часовъ, и когда классныя дамы только просыпались, воспитанница давшая наканунѣ ему деньги на покупки торопливо бѣжитъ ихъ получать, и тотъ пугливо озираясь (его выгнали бы еслибы поймали) начинаетъ выкладывать изъ своихъ кармановъ, а что туда не уложилось, вытаскивалъ изъ-за голенищей своихъ сапоговъ (это я видала нѣсколько разъ сама) всѣ эти съѣдобныя прелести, не давая ни отчета въ деньгахъ, разумѣется, ни сдачи, еслибы такая приходилась, а воспитанница получившая покупки бѣжитъ опроретью въ дортуаръ гдѣ и дѣлится всѣмъ съ подругами, и тотчасъ же все тутъ и съѣдается.

Чтобы покончить съ этой голодовкой, забѣгу нѣсколько впередъ.

Когда послѣ выпуска я была уже дома, одинъ нашъ знакомый возвратившійся изъ Петербурга, у котораго были связи съ высшемъ кругу, зная какъ дорого мнѣ все касающееся Смольнаго, разказалъ мнѣ слѣдующее. Передаю такъ какъ слышала.

Въ какомъ-то маскарадѣ одна маска своимъ остроуміемъ заинте-

ресовала императора Николая Павловича и между прочимъ сказала ему какъ плохо кормятъ воспитанницъ Смольнаго монастыря. На это будто государь отвѣтилъ что кормятъ ихъ хорошо, такъ какъ пріѣзжая туда онъ пробуетъ эти кушанія, хотя простыя, но очень вкусныя.

— Но вѣдь о пріѣздѣ вашего величества знаютъ тамъ за три дня, говоритъ маска,—и вы пріѣзжаете съ параднаго подьѣзда, но если вамъ угодно провѣрить справедливость моихъ словъ, то вамъ нужно будетъ подьѣхать къ другому крыльцу ведущему въ кухню, и разказала подробно какъ найти этотъ подьѣздъ.

Это было, говоритъ мой знакомый, на масленицѣ, а уже на первой недѣлѣ Великаго поста государь подьѣхалъ въ своихъ санкахъ прямо къ тому подьѣзду на который указала маска.

Входитъ въ кухню и видитъ кипитъ огромный котелъ, и на вопросъ: что варится? ему говорятъ что уха. Онъ схватилъ большую ложку и сталъ искать рыбы, но ему только пзрѣдка попадались какіе-то несчастные пискарики. Остальное кушанье было подобное первому.

Государь, говорятъ, былъ очень разсерженъ, и послѣдствіемъ его посѣщенія, какъ говорилъ мой знакомый, было совершенное измѣненіе къ лучшему въ пищѣ воспитанницъ.

VI.

На второй годъ моего пребыванія въ голубомъ классѣ Машеньку Перелешину взяли изъ Смольнаго домой, и я почувствовала себя совсѣмъ одинокой. Вѣдь такъ скучно жить для себя и одною своею жизнью.

И вотъ является у меня новая привязанность въ лицѣ подруги одного со мной класса Д. Стра—вичъ. Это была такая сильная, чистая и возвышенная привязанность, наполнившая и скрасившая всю остальную сѣрую, будничную институтскую жизнь что я не могу обойти ее въ своихъ воспоминаніяхъ, хотя можетъ и вызову у нѣкоторыхъ насмѣшливую улыбку; но такъ же какъ и первая привязанность она дала мнѣ не мало страданій.

Не могу не вспомнить тебя, моя дорогая, такъ многолюбимая мною подруга! Ты мысленно сейчасъ со мною. Я вижу твою блѣдную личико съ большими голубыми глазами и слегка оттянутою большою косою назадъ головкой и всю твою полную граціи фигуру. Я слышу твой музыкальный слабый голосъ и твой легкій кашель, такъ меня трево-

жившей. Если ты жива и эта книга попадетъ къ тебѣ въ руки, то не вспомнишь ли ту, которой впослѣдствіи, послѣ выпуска, писала что теперь только поняла, какая была моя къ тебѣ привязанность и знаешь что тебя никогда и никто не въ состояніи такъ любить какъ я. Я же знала это всегда!

Впослѣдствіи влеченіе мое къ ней я себѣ объясняла влеченіемъ сильнаго къ слабому. Я вѣдь говорила что изъ меня вышла сильная, здоровая дѣвушка, она же была слабое, хрупкое созданіе, но при этомъ была очень умна, что для меня всегда было первымъ обаяніемъ въ человѣкѣ, и играла отлично на рояли, что было также не малымъ обаяніемъ для меня.

Главнымъ страданіемъ въ этой привязанности былъ страхъ за ея здоровье. Она часто хворала и, вспоминая свою умершую чахоткой мать, говорила что вѣроятно и она тѣмъ же кончитъ, и этими словами надрывала мое сердце. Не нахожу словъ описать мое мученіе которое испытывала когда ее уносили въ лазаретъ и большею частію отъ какой-нибудь грудной болѣзни.

Навѣщать ее въ лазаретъ было невозможно. Намъ было это строго запрещено и считалось уголовнымъ преступленіемъ, грозящимъ исключеніемъ изъ Смольнаго.

Впослѣдствіи я поняла почему такъ строго на это смотрѣли.

Смольный монастырь такое громадное зданіе и въ немъ было столько жителей изъ разныхъ служащихъ что пуститься одной по этимъ пустыннымъ коридорамъ, какъ бы по безлюднымъ улицамъ, было опасно, да и къ тому же надо было знать туда хорошо дорогу; я вѣдь говорила что лазаретъ былъ очень далекъ отъ классовъ.

Сообщеніе у больныхъ со здоровыми было письменное чрезъ женскую прислугу.

Долго хранилась у меня и послѣ выпуска цѣлая пачка ея писемъ, начинающихся всегда: „Милая Вароша (такъ звали меня подруги переимчивая мою фамилію Вороновой), приготовь и пришли мнѣ тотъ или другой заданный урокъ“. Но за то сколько было и радости когда она поправлялась и выходила изъ лазарета. Мы были съ ней въ одномъ отдѣленіи, въ первомъ, уроки у насъ были общіе и мы готовили ихъ вмѣстѣ. Это время было самымъ лучшимъ для меня. Занятія наши иногда прерывались, она мѣтко и остроумно говорила о какой-нибудь институтской злобѣ дня, и я такъ любила ее слушать. Память у меня была лучше, но она никогда не узнала этого. Я притворялась что не могу запомнить то что давно уже знала, щадя ея самолюбіе и давая ей возможность тверже заучивать урокъ; зная иногда его лучше, отвѣчала 'учителю на тотъ балъ который она должна была бы получить, еслибы ее вызвали. Письменные же занятія которыхъ все

больше и больше прибавлялось всегда дѣлала за двоихъ. У нея, какъ она говорила, отъ нихъ болѣла грудь. Иногда не успѣвая кончить ихъ днемъ, вставала часа въ три ночи, запасаясь накануне свѣчкой изъ ночника, и отправлялась въ классъ, спѣша приготовить уроки до утренняго звонка, то-есть, до 6 часовъ.

Я не считала это для себя трудомъ, а скорѣе наслажденіемъ, помогая ей, и скажу что эта привязанность дѣйствовала на меня благотворно, приучая къ труду и отгоняя скуку которой никогда не знала, будучи постоянно занята, а если когда выпадало свободное время, то у меня всегда была въ запасъ для чтенія книга, къ которому имѣла пристрастіе съ тѣхъ поръ какъ научилась читать, но книги эти было довольно трудно доставать, хотя у насъ и была своя библіотека. Въ голубомъ классѣ мы пробавлялись дѣтскимъ журналомъ „Звѣздочка“ и если по каталогу спрашивали какую другую книгу, то большею частію получали въ отвѣтъ что намъ еще этого читать нельзя, а потому тѣ которыя имѣли родныхъ въ Петербургѣ запасались отъ нихъ этою контрабандой и одождая подругъ, просили не попадаться класснымъ дамамъ.

Помню, какъ однажды заручившись „Пиковой Дамой“ Пушкина, данной мнѣ на срокъ, спѣшила кончить ее въ урокъ чистописанія. Совершенно углубившись въ чтеніе, вдругъ чувствую что у меня эту книгу тащатъ и взглянувъ, вижу классную даму Самсонову, о которой говорила раньше. Книга была конфискована, а меня поставили среди класса, что считалось большимъ наказаніемъ. Но этимъ не кончилось. Послѣ урока началось слѣдствіе, кто далъ книгу, и такъ какъ я упорно молчала, то была опять наказана съ угрозой довести мой поступокъ до свѣдѣнія инспектрисы.

Эти наказанія были для меня ничто въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ наказаніемъ которое испытывала, слушая справедливыя упреки подруги давшей книгу и не имѣя средствъ купить и отдать ей взаменъ новую, такъ какъ у меня въ рукахъ никогда не бывало денегъ, ихъ присылали на имя Ма—вой, а это значило совсѣмъ ихъ не имѣть.

Читая объ этихъ двухъ моихъ привязанностяхъ въ Смольномъ монастырѣ, не подумайте что онѣ вытѣснили все для меня далекое родное. Нѣтъ, эта святыня глубоко жила въ моемъ сердцѣ и чѣмъ дальше шли годы, тѣмъ дороже были воспоминанія о нихъ и тѣмъ невозможнѣе, казалось, ихъ снова опять когда-нибудь увидѣть.

Письма изъ дома всегда писалъ отецъ. Изъ нихъ узнала о рожденіи брата, о смерти его сестры Татьяны Филипповны, о выходѣ замужъ моей старшей сестры и, наконецъ, о рожденіи послѣдней меньшей. Получая письмо, я прежде чѣмъ распечатать цѣловала его,

воображая что цѣлую руку отца, а потомъ уже со слезами начинала читать и сейчасъ же зная его наизусть прикладывала по порядку къ другимъ и, когда мнѣ становилось уже очень грустно объ этомъ далекомъ родномъ, то я тогда начинала читать эти письма отъ перваго до послѣдняго.

Я была уже послѣдній годъ въ голубомъ классѣ когда они вдругъ прекратились, и несмотря на просьбы къ отцу увѣдомить меня о причинѣ молчанія отвѣта не получала. И вотъ въ одинъ день, о, какъ я хорошо его помню, это было 3 апрѣля на Святой, число это я тогда записала въ свое brouillon (тетрадь для разныхъ замѣтокъ), я вдругъ проснулась какъ будто чего испугавшись, и слезы сами собою неудержимо потекли изъ глазъ, и такъ продолжалось цѣлый день.

Чтобъ избавиться отъ разспросовъ подругъ, я ушла въ классъ (праздники мы проводили время въ дортуарахъ) и тамъ дала волю слезамъ, обливая ими письмо къ отцу и умоляя его скорѣе мнѣ отвѣтить.

По этой необъяснимой тоскѣ я уже не сомнѣвалась что дома что-нибудь случилось, думая больше о мамѣ, такъ какъ въ послѣднемъ письмѣ отецъ говорилъ что она прихварываетъ.

Черезъ нѣсколько времени я получила отвѣтъ отъ сестры съ извѣстіемъ что 3-го апрѣля скончался отецъ и незадолго до смерти вспоминалъ обо мнѣ. Велико было мое горе!

VII.

Начало этой главы хочу посвятить воспоминаніямъ о царской фамилии, иногда насъ посѣщавшей.

Императоръ Николай Павловичъ бывалъ рѣдко, но когда пріѣзжалъ былъ милостивъ и простъ въ обхожденіи съ нами, также и императрица Александра Феодоровна пріѣзжавшая чаще и всегда въ сопровожденіи своихъ дочерей тогда еще великихъ княжъ Ольги Николаевны и Александры Николаевны.

Княжны были въ высшей степени обаятельныя особы и, мнѣ кажется, будь онѣ и не царскія дочери, обаяніе ихъ было бы не меньше.

Не мало тогда говорилось объ умѣ и красотѣ великой княжны Ольги Николаевны, но кто ея не видалъ, тотъ и понять не можетъ какое это было совершенство. Оставляя уже правильность линий ея лица, напоминавшаго черты лица государя, ея нѣжную бѣлизну съ легкимъ

румянцемъ, надо было видѣть выраженіе ея прелестныхъ нѣскольکو грустныхъ голубыхъ глазъ, ея очаровательную улыбку, видѣть эту царственность соединенную съ простотой. При этомъ она была висока ростомъ и стройна и походка ея была полна величія и граціи. Я такъ и вижу ее въ бѣломъ легкомъ платьѣ, въ нашемъ саду, стоящею съ нѣкоторыми старшими воспитанницами въ кругу за вервочкой.

Игра эта состояла въ томъ что одна изъ бѣлыхъ стоящая внѣ круга должна была прикоснуться къ плечу которой-нибудь и онѣ бѣгутъ въ разныя стороны, стараясь занять оставленное мѣсто въ кругу. Когда же участвовала въ этой игрѣ великая княжна, то ее всегда выбирали замѣняя прикосновеніе рукой поцѣлуемъ въ плечо. И вотъ она граціозно скользитъ, спѣша занять оставленное ею мѣсто и ей это всегда удается, и ее выбираютъ снова и снова. Румянецъ ея усиливается и придаетъ особенный блескъ и безъ того прелестнымъ глазамъ, и глядя на нее, кажется, и не налюбуйшся.

Помню въ какомъ я была негодованіи, увидѣвъ ея изображеніе въ одномъ французскомъ иллюстрированномъ журналѣ, хотя тамъ и было сказано: *La princesse Olga, dit-on, est la plus belle princesse du monde.* Я готова была изорвать этотъ журналъ осмѣлившійся изобразить ее такою и вообще, сколько я ни видала ея портретовъ, ни одинъ не могъ меня удовлетворить.

Великая княжна Александра Николаевна была также хороша, но рядомъ съ сестрою красота ея, конечно, теряла, но обаяніе ея было въ граціи, жизнерадостности и веселіи. Она бывало какъ птичка порхаетъ между нами. Надо сказать что когда пріѣзжалъ кто изъ царской фамиліи, насъ ставили въ залѣ линиями и, такъ какъ императрица Александра Теодоровна любила видѣть красивыя лица, то въ первые ряды выбирала самыхъ хорошенькихъ, пряча въ середину дурныхъ, хотя бы онѣ были и изъ первыхъ ученицъ, и вотъ она, какъ будто зная это, летитъ въ эту середину, раздвигая ряды своими прелестными ручками, а тамъ уже ихъ ловятъ и цѣлуютъ, а она сквозь улыбку, стараясь сдѣлать серьезное лицо, такъ мило погрозитъ пальчикомъ и скажетъ: „Я этого не позволяю“, что тѣмъ такъ и захочется, какъ онѣ потомъ говорили, не послушаться ее и расцѣловать этотъ прелестный грозящій пальчикъ.

По выходѣ замужъ великой княжны Александры Николаевны мы больше ея не видали. Она вскорѣ захворала, вѣсти объ ея болѣзни доходили до насъ все тревожнѣе и тревожнѣе и, наконецъ, мы услышали объ ея смерти которая насъ очень огорчила. Какъ-то не вѣрилось что это прелестное жизнерадостное существо навсегда для насъ потеряно.

Послѣ ея смерти императрица Александра Теодоровна прислала нашей начальницѣ письмо копія съ котораго долго у меня хранилась, но потомъ затерялась. Я знала его наизусть, теперь же могу припомнить только нѣскольکو слѣдующихъ словъ: *et je vous prie, ma chère Madame Leontieff, de dire a nos enfants surtout, quoique mon Adine fut très jeune, elle était très avancée dans la voie de la religion.*

Послѣ смерти великой княгини Александры Николаевны государыня пріѣзжала съ великою княжной Ольгой Николаевной. Вотъ въ это-то время я и запомнила ее стоящею за вервочкой, какъ я выше разказывала.

По выходѣ замужъ за принца Виртембергскаго она вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжала къ намъ въ Смольный, а оставляя Россію, желая съ нами проститься, была у насъ вмѣстѣ съ императрицей Александрой Теодоровной, и вотъ когда провожая ее мы заплакали, какъ хорошо помню я, она прислонясь къ дверямъ, закрыла одною рукой лицо и крупныя слезы покатались по ея пальцамъ, государыня же сдѣлала намъ знакъ рукой чтобы мы не плакали. Это было послѣднее ея къ намъ посѣщеніе.

Теперь скажу о принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ, посѣщавшемъ насъ каждую недѣлю, въ завѣдываніи котораго состоялъ Смольный монастырь.

Многіе еще, вѣроятно, помнятъ, какой это былъ превосходный, полный доброты человекъ.

Онъ былъ большой любитель музыки, и ему мы были обязаны что слышали всѣхъ выдающихся артистовъ того времени, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ.

Такъ, помню, у насъ пѣла Росси, два раза игралъ Листъ большею частію сочиненія Шопена, играла Клара Викъ, вышедшая замужъ за Шумана съ которымъ вмѣстѣ и пріѣзжала къ намъ. Слышали очаровательное пѣніе Тамбурины. Особенно запомнилось тріо изъ Лючіи исполненное имъ съ сыномъ и дочерью, но не могу не остановиться на воспоминаніи объ игрѣ на скрипкѣ Эрнста. Впечатлѣніе этой игры и самая его фигура такъ и врѣзались въ моей памяти. Высокаго роста, очень худой, блѣдный, съ головой и лицомъ обросшими черными волосами и съ печально-строгими глазами.

Не помню всѣхъ игранныхъ имъ піесъ, ихъ было много, но хотѣлось слушать его безъ конца и послѣ каждой изъ нихъ думалось со страхомъ: неужели это послѣдняя?

Но вотъ онъ заигралъ свою элегію и, Боже мой, сколько было тутъ тоски и муки и какъ рыдала его скрипка! Даже наши юныя

сердца невольно сжались отъ непонятной намъ печали и у многихъ были на глазахъ слезы.

Но нѣтъ, онъ не захотѣлъ оставить насъ подѣ этимъ впечатлѣніемъ и, кончивъ элегію, не отнимая скрипки отъ плеча заигралъ *Carnavale de Venise*, и сразу вся зала наполнилась веселіемъ. Тутъ слышенъ былъ и шумъ, и визгъ, и хохотъ, и мы съ восторгомъ улыбаясь поглядывали другъ на друга. Аплодировать намъ не позволялось. Это былъ чарующій и блистательный апоэозъ его игры которымъ онъ и закончилъ.

Хочу еще въ этой главѣ помѣстить два воспоминанія.

Первое о нашихъ казенныхъ балахъ, бывавшихъ въ именины государя, государыни и въ Новый годъ. Съ самаго утра въ этотъ день мы уже нѣсколько волновались, а съ шести часовъ вечера начинали причесываться.

Были между нами особыя мастерицы, замѣнявшія парикмахеровъ, и тѣмъ всегда было много работы. Изъ нихъ особенно помню въ нашемъ классѣ княжну Пу—ну 1-ю. Ихъ было двѣ. Въ этотъ день намъ приносили вмѣсто полотняныхъ передниковъ съ лифчиками тонкіе коленкоровые; пелеринокъ и рукавчиковъ на балъ не надѣвали, а у нѣкоторыхъ на шеѣ былъ черный узкій бархатецъ. Вотъ и весь нашъ бальный туалетъ.

Въ восемь часовъ вечера классныя дамы вели насъ чинно, попарно въ ярко освѣщенную громадную залу, по обѣимъ сторонамъ которой были бѣлыя колонны, а между ними невысокая балюстрада того же цвѣта, за которой возвышаясь нѣсколько амфитеатромъ были прикрѣпленные къ полу лавки бѣлаго же цвѣта. На нихъ помѣщались съ одной стороны голубой, а съ другой кофейный классы, а бѣлыя были по срединѣ залы. Онѣ танцовали между собой за кавалера и за даму: кадрили, вальсъ, польку, приглашая на танцы нѣкоторыхъ голубыхъ и очень рѣдко кофейныхъ, которыя были только зрительницами.

Въ концѣ залы поставлены были кресла для начальницы съ нѣкоторыми приглашенными ею гостями, большею частію дамами почтеннаго возраста. Тутъ же сидѣли инспектрисы, инспекторъ, а изъ учителей приглашаемъ былъ одинъ Никитенко.

Танцующихъ кавалеровъ не было, за исключеніемъ старичка генерала съ сильно трясущеюся головой, Бунина, двѣ дочери котораго были одного со мною класса, а старшая въ бѣломъ классѣ. Мы всѣ его очень любили и звали дѣдушкою.

Оркестръ музыкантовъ у насъ былъ свой, и въ этотъ вечеръ онъ весь былъ въ сборѣ. Намъ давали оршадъ и что-то изъ лакомствъ.

Потомъ служащія при дортуарахъ дѣвушки приносили въ корзинахъ бутерброды изъ чернаго хлѣба съ масломъ и кускомъ телятины сверху, а въ 12 часовъ былъ ужинъ. Въ эти дни мы были сыты.

Второе воспоминаніе относится къ обѣду съ выигрышами.

Въ Крещеніе на каждый классъ запекались въ пироги вродѣ бемскихъ по три боба. Пироги эти рѣзались на 12-ть кусковъ на каждое блюдо, и прислуга разносившая ихъ не знала въ которомъ они запечены. На каждомъ изъ этихъ трехъ бобовъ была особенная отмѣтка. Одинъ назывался царцей, и выигравшая его получала бонбоньерку съ конфетами, на верху которой была прикрѣплена небольшая бронзовая корона. Второй бобъ былъ фрейлина съ выигрышемъ тоже бонбоньерки съ конфетами и съ воткнутою розой вверху ея, а третій, о которомъ я мечтала цѣлыя шесть лѣтъ и будучи въ бѣломъ классѣ его выиграла, назывался секретаремъ. Выигрышъ этотъ состоялъ изъ небольшого тисненой кожи портфеля со всѣми письменными принадлежностями.

Раздача этихъ выигрышей была очень торжественна. Присутствовали: начальница, инспектрисы, инспекторъ и экономъ въ рукахъ котораго и были всѣ эти выигрыши.

Надо было видѣть съ какимъ стараніемъ и волненіемъ каждая получившая свой кусокъ пирога, расщипывала его на мелкіе кусочки, надѣясь найти который-нибудь бобъ; воцарялась даже на нѣсколько секундъ тишина.

Помню въ какомъ я была восторгѣ найдя своего боба-секретаря и не вѣрила даже глазамъ своимъ. Мы выигравшіе всѣ девять человекъ, по три изъ cadaго класса, вышли изъ-за стола, провожаемые завистливыми взглядами подругъ и восклицаніями: „счастливицы!“ и подошли къ начальницѣ, которая взявъ выигрышъ изъ рукъ эконома и передавая его воспитанницѣ, поздравляла ее. Помню, какъ получивъ свой портфель и прижавъ его къ сердцу, не чувствовала отъ радости ногъ подъ собой, возвращаясь на мѣсто.

Когда пришли въ дортуаръ, я стала разсматривать свое сокровище. Онъ запирался хорошенькимъ ключикомъ. Въ немъ было нѣсколько отдѣленій съ почтовою бумагой и конвертами, а въ срединѣ были: дюжина стальныхъ перьевъ съ ручкой, перочинный ножикъ, карандашъ, сургучъ и маленькая линейка.

Я сейчасъ же переложила туда изъ сшитой мною картонной сумочки письма отца и записки изъ лазарета Д. Ст—вичъ и была въ этотъ день такъ счастлива. Это вѣдь была моя первая собственность.

Мнѣ казалось что тѣ у которыхъ были родные въ Петербургѣ не могли ощущать такой радости имѣя и шкатулки и портфели, а также и бывшія въ дортуарахъ другихъ классныхъ дамъ, а не Ма—вой, покупавшихъ на ихъ деньги все для нихъ необходимое.

Долго и послѣ выпуска хранился у меня этотъ портфель и только при переѣздѣ изъ одного мѣста въ другое онъ былъ въ числѣ прочихъ вещей затерянъ.

VIII.

Въ 1845 году былъ при мнѣ второй выпускъ воспитанницъ и второй пріемъ маленькихъ поступившихъ въ кофейный классъ.

Изъ этого выпуска я запомнила Обручеву, получившую первый шифръ и бывшею впоследствии въ Смольномъ, какъ я слышала, такою любимой и популярною инспектрисою.

Вторая ея сестра шла первою въ нашемъ классѣ, а третья также была изъ первыхъ въ слѣдующемъ за нами классѣ.

Это сестры бывшаго начальника Штаба Н. Н. Обручева, котораго помню хорошо, когда онъ пріѣзжалъ къ сестрамъ бѣлокурымъ кудрявымъ кадетикомъ.

Еще мнѣ припоминается изъ этого выпуска Бригина, дочь декабриста сосланнаго въ Сибирь. О ней у насъ ходили слухи что будто государемъ было обѣщано, если она получитъ шифръ, то отецъ ея будетъ прощенъ.

Знаю что она его получила, но мнѣ неизвѣстно оправдались ли эти слухи.

Выходила также съ шифромъ Бунина, сестра нашимъ Бунинымъ и дочь того старика о которомъ говорила раньше. Ему разрѣшалось пріѣзжать къ дочерямъ во всякое время.

Для свиданія съ родными назначены были два дня въ недѣлю, а именно: въ четвергъ съ пяти часовъ до семи вечера и въ воскресенье съ половины перваго до двухъ часовъ дня.

Родные сперва принимались въ актовомъ залѣ, то-есть, въ той гдѣ бывали балы и которую описывала въ прошедшей главѣ. Они сидѣли на скамейки, а вызываемыя ими воспитанницы стояли за балюстрадой, и я знала изъ разказовъ подругъ что многіе изъ нихъ роптали на это и уѣзжали раньше звонка, жалѣя дѣтей которымъ приходилось такъ долго стоять.

Впоследствии при мнѣ сдѣлалась переменна въ этомъ отношеніи; родныхъ стали принимать въ рекреационной залѣ гдѣ они вмѣстѣ съ дѣтьми могли сидѣть на скамейкахъ.

Выпускъ воспитанницъ, какъ и всѣ выпуски, былъ въ мартѣ мѣсяцѣ, и мы перешли изъ голубаго въ послѣдній бѣлый классъ. Было нами прожито въ Смольномъ шесть лѣтъ, оставалось еще 2 года и 9 мѣсяцевъ, и какъ-будто занималась заря сулившая свободу, а съ ней и все прекрасное, по нашимъ понятіямъ, ожидавшее насъ за стѣнами нашего монастыря. Съ переходомъ въ бѣлый классъ прибавилось много занятій, но вмѣстѣ съ этимъ чувствовались подъемъ духа и энергія.

Еще на послѣднемъ году голубаго класса у насъ была проба голосовъ и имѣвшія ихъ, въ числѣ которыхъ была и я, стали обучаться церковному пѣнію чтобы занять мѣсто вышедшихъ воспитанницъ на двухъ клиросахъ нашей домовою церкви. Учителемъ былъ Макушинъ.

У насъ оказалось много хорошихъ голосовъ, особенно у Чеченской, у регентовавшей нами въ церкви Буниной 1-ой и у Елены Голицыной (правнучки Суворова).

Пѣніе наше такъ понравилось митрополиту Антонію, служившему два раза въ нашей церкви, что онъ уподоблялъ его пѣнію ангеловъ. При переходѣ въ бѣлый, перемѣнивъ помѣщеніе дортуаровъ и классовъ, мы и сами какъ-будто перемѣнились, признавая себя большими дѣвцами и относясь покровительственно ко вновь поступившимъ маленькимъ кофейнымъ. Да и классныя дамы перемѣнили съ нами обращеніе и не примѣняли къ намъ никакихъ наказаній кромѣ выговоровъ, только Ма — ва оставила за собою привилегію бранить насъ при всякомъ удобномъ случаѣ, называя негодяйками.

Первое что при переходѣ въ бѣлый классъ заставляло радостно биться наши сердца, это предстоящее на Святой катанье о которомъ я говорила раньше. Черезъ 6 лѣтъ мы даже и представить себѣ не могли этого ощущенія.

Намъ вѣрно было къ этому времени связать изъ пунцовой шерсти шапочки вродѣ маленькихъ капоровъ и, помню, мнѣ его связала Д. Ст—вичъ. Наступилъ давно желанный день.

Пріѣхали дворцовыя кареты запряженныя четверней съ фореиторами. Мы надѣли наши красныя шапочки и зеленые камлотовыя салоны и въ этомъ одѣяніи всѣ казались страшно блѣдными. Въ каждую карету посадили 5 воспитанницъ. Шестое мѣсто занимала классная дама и, такъ какъ ихъ не хватало, то должность ихъ замѣняли воспитанницы старшія годами.

Меня назначили въ числѣ другихъ пяти изъ нашего дортуара въ карету Ма—вой напротивъ которой заняла мѣсто Д. Ст—вичь.

Мы тронулись, сопровождаемыя по бовамъ каретъ жандармами верхами.

Наша Ма—ва надѣла на себя какой-то невозможный черный капоръ дѣлавшій ее похожею на воронье пугало и сейчасъ же задремала качаясь изъ стороны въ сторону, а мы и рады были этому, передавая вполголоса свои впечатлѣнія, любуясь невиданными нами новыми предметами, великолѣпными домами и этою повсюду снующею толпой.

Но вотъ мы подъѣхали къ самому мѣсту катанья. Кареты почему-то остановились и наша Ма—ва просыпается.

Вдругъ мы видимъ и слышимъ, какъ одинъ господинъ изъ публики, стоявшей къ намъ очень близко, показывая въ упоръ на нашу карету, говоритъ другому стоящему съ нимъ рядомъ:

— Посмотри какая у этого окошка сидитъ хорошенькая, а красная-то дама напротивъ какъ чучело, и оба смѣются.

Конечно, это не дѣлало чести ихъ воспитанію, хотя судя по одеждѣ они были изъ интеллигентовъ и намъ слѣдовало бы, соблюдая законы приличія, и вида не показывать что мы слышимъ ихъ слова, но насъ одолѣлъ молодой смѣхъ, отъ котораго мы всѣ тряслись, стараясь отъ него удержаться и глядя въ противоположное окошко.

Къ довершенію всего одна изъ насъ желая толкнуть ногой другую толкаетъ нечаянно ею Ма—ву, и та обводя насъ всѣхъ убійственнымъ взглядомъ Медузы шепчетъ: „Негодяйки! Негодяйки!“

Каждый разъ какъ дѣлая кругъ мы приближались къ тому мѣсту, гдѣ стояли эти господа, мы хотя и старались всѣми силами сдѣлать серьезное лицо, не могли не видѣть, какъ они смѣясь показывали намъ головою и глазами на названное ими чучело.

Въ этомъ не могли имъ помѣшать и жандармы насъ охранявшіе.

По окончаніи катанья сколько было разказовъ, сколько было смѣха при разказахъ объ этихъ двухъ господахъ и Ма—вой. Ея вѣдь рѣшительно никто не любилъ и даже прочія классныя дамы сторонились, глядя на нее какъ бы съ презрѣніемъ.

Слѣдующее катанье на масленицѣ хотя и радовало насъ не меньше, но не произвело на насъ такого впечатлѣнія какъ первое. Оно было уже не ново для насъ.

IX.

Въ бѣломъ классѣ, кромѣ прибавившихся учебныхъ занятій и церковнаго пѣнія, стали обучать италіянскому языку, учителемъ котораго былъ Кавось. Прибавились также уроки рукодѣля, и мы по очереди должны были не ходя въ классъ заниматься имъ, хотя учителя и протестовали, такъ какъ это отвлекало воспитанницъ отъ ученія и большая часть изъ насъ стала наверстывать время вставая по ночамъ, а я не знала что и дѣлать, не успѣвая писать за двоихъ и опасаясь за здоровье Д. Ст—вичь которая также стала вставать задолго до звонка.

Съ перваго же года поставили въ двухъ огромныхъ рукодѣльныхъ комнатахъ по громаднымъ пальцамъ для вышивки ковра предназначающагося для дворца.

Коверъ этотъ длиною въ 16 аршинъ долженъ былъ, какъ намъ передавала учительница рукодѣля, сшиваться вмѣстѣ, что она впоследствии такъ искусно исполнила что при самомъ тщательномъ осмотрѣ никому и въ голову не могло придти что онъ сшивной.

Узоръ и всѣ принадлежности къ нему, какъ тогда говорили, были выписаны изъ Парижа, и мнѣ помнится что особенно хороши были каймы этого ковра. Это были бронзоваго цвѣта, вышитыя въ тѣнь, громадныя львиныя головы съ завитками.

Стали также приготовляться разныя работы гладью.

Учительница танцевъ Кузьмина стала также требовать лишнихъ занятій. Мы должны были протанцовать на публичномъ и императорскомъ экзаменахъ: менуэтъ, гавотъ и какой-то фантастическій танецъ съ шарфами.

Танцевальныя уроки были послѣ классовъ вечеромъ и опять отрывали насъ отъ учебныхъ занятій, и тѣ которыя хотѣли добросовѣстно заниматься не имѣли рѣшительно отдыха. Нѣкоторыя же, хотя ихъ было немного, философски разсуждали что не стоитъ безпокоиться и мучить себя, вѣдь все равно всѣхъ выпустятъ и въ наказаніе не оставятъ въ стѣнахъ Смольнаго, не подозрѣвая того что то что казалось теперь наказаніемъ, для иныхъ впоследствии было бы величайшимъ благомъ, еслибы эти стѣны опять ихъ къ себѣ приняли.

А время идетъ да идетъ, и мы приближаемся къ послѣднему году. Учителя уже новаго ничего не задаютъ, заставляя повторять все пройденное, и уже многія сдѣлали изъ сшивной бумаги ленты съ обозначеніемъ мѣсяцевъ и чиселъ, отрывая каждый прошедшій день.

Наконецъ наступилъ этотъ желанный и такъ долго ожидаемый 1848 годъ.

Не заря уже, а яркое солнышко нашей свободы показалось на горизонтѣ!

Иногда среди занятій я вдругъ останавливаюсь, и сердце трепетно какъ птица въ клѣткѣ забьется. „Да неужели,“ думаю, „я скоро увижу моихъ далекихъ дорогихъ мнѣ существъ, къ которымъ стремилась всѣ девять лѣтъ; нѣтъ, думаю, это невозможно чтобы я могла существовать безъ этихъ стѣнъ и чтобъ онѣ могли существовать безъ меня; непременно должно что-нибудь случиться что не дастъ мнѣ испытать этого счастья“, и становится страшно за это счастье.

Послѣ Новаго года и Крещенія сейчасъ же начались инспекторскіе экзамены по которымъ назначались награды. Они были строги, но справедливы.

Принимались во вниманіе и балы получаемые воспитанницами въ бѣломъ классѣ; главный балъ былъ 12.

На этихъ экзаменахъ присутствовали: принцъ Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, начальница, инспектриса и инспекторъ, и по окончаніи ихъ мы уже знали кто и какія получить награды.

Насъ выходило всѣхъ 140 человекъ и изъ перваго отдѣленія должны были получить: 10 воспитаницъ шифры, 10 золотыя медали, изъ нихъ три большія, три среднія и 4 маленькія, величиной съ цѣлковый, и 15 серебряныхъ медалей, 5 большихъ, 5 среднихъ и 5 маленькихъ. На этихъ медаляхъ вверху было изображено солнце съ лучами на лозы виноградника и со словами внизу: „посѣти виноградъ сей“, а на другой изображеніе императора Николая Павловича, внизу котораго стояли слова: „за отличіе“, и выставленъ 1848 годъ.

Во второмъ отдѣленіи, гдѣ были ученицы болѣе слабыя, 10 изъ нихъ получали книги.

Награды эти должны были раздаваться уже по окончаніи публичныхъ и императорскихъ экзаменовъ.

Кромѣ того, каждой воспитаницѣ, въ томъ числѣ и не получившимъ награды, предназначалась небольшая сумма денегъ; тѣмъ кто получали награды больше, остальнымъ меньше; на мою долю приходилось 137 рублей, и каждая изъ насъ получала Евангеліе съ русскимъ и славянскимъ текстомъ.

Намъ заказали бѣлыя изъ самой тонкой кисеи со многими складочками платья на юбкахъ бѣлаго гясе каленкора; лифы были открытые съ тюлевыми вышитыми нами самими бертами. Нарядъ этотъ заканчивался очень широкою бѣлою атласною лентой, бантъ и концы которой были назади.

И вотъ, когда на генеральную репетицію танцевъ намъ велѣли

надѣть эти платья, давъ въ руки по легкому розовому шарфу, мы съ удивленіемъ не узнавая глядѣли другъ на друга и инья казавшіяся дурнушками вдругъ превращались въ хорошенькихъ, чему способствовало кромѣ платьевъ и возбужденное радостное настроеніе. Изъ дальнихъ мѣстъ за многими уже стали пріѣзжать родные, а я получила письмо отъ сестры, которая послѣ смерти отца чтобы не утруждать маму взяла на себя эту обязанность.

Она писала что всѣ съ нетерпѣніемъ меня ждутъ, о мамѣ и говорить уже нечего, но пріѣхать ей за мною по слабости здоровья никакъ нельзя, ей же, сестрѣ, оставить ее одну съ маленькими дѣтьми было невозможно и были другія домашнія обстоятельства по которымъ ей нельзя было отлучиться изъ дома, но что сестра моей мамы (я буду называть ее Марьей Петровной) выѣхала по своимъ дѣламъ въ Петербургъ и обѣщалась взять меня изъ Смольнаго и привезти въ Галичъ.

Это уже нѣсколько умаляло мою радость. Оставляя то счастье которое дало бы мнѣ свиданіе съ ними, мнѣ такъ хотѣлось чтобы которая-нибудь изъ нихъ была на нашихъ публичныхъ экзаменахъ; и потомъ эта Марья Петровна еще съ дѣтства была мнѣ не симпатична.

По окончаніи инспекторскихъ экзаменовъ начались публичные, сперва учебные, на которыхъ экзаменовались только получающія награды, и большая часть публики, пускаемая по билетамъ, состояла изъ родителей и родственниковъ воспитаницъ. Потомъ началась музыка. Двѣ воспитанницы играли соло на рояли, а послѣ этого исполнили на 16 рояляхъ, по двѣ за каждымъ, въ числѣ которыхъ была и я, оперу „Севильскій Цирюльникъ“. Рояли поставлены были полукругомъ, въ срединѣ котораго стоялъ дирижеръ, кажется, Кавось.

Послѣ игры на рояляхъ началось пѣніе. Чеченская и Бунина исполнили аріи изъ италіянскихъ оперъ, не запомню только какія, а Helène Голицына два русскіе романса Варламова:

„Ахъ, ты время времячко,
Золотое времячко“, и т. д.

переходящій въ другой романсъ:

„Что мнѣ жить и тужить одинокой,
Гдѣ ты мой, другъ милой черноокой.“

Послѣ cadaго куплета мы должны были пѣть хоромъ:

Что мнѣ жить и тужить и т. д.

Но слова эти нашли неприличными для насъ и замѣнили слѣдующими:

„Что мнѣ жить и тужить одинокой,
Гдѣ ты мой край родной, край далекой.“

Перемѣна этихъ словъ мнѣ очень нравилась, перенося меня мысленно въ мой край родной, край далекій.

Въ числѣ исполненныхъ вслѣдъ за этими романсами италіянскихъ и русскихъ хоровъ пѣли изъ *Аскольдовой Могилы*:

Ахъ, подруженьки, какъ грустно
Круглый годъ жить въ заперти,
Изъ-за стѣнъ лишь любоваться
На широкія поля.

При исполненіи этой пѣсни, такъ къ намъ подходящей, радостно билось сердце при мысли что скоро, скоро уже не изъ-за стѣнъ мы будемъ любоваться на широкія поля, но радость невольно смѣнялась грустью объ этихъ подруженькахъ, готовыхъ разлетѣться въ разные стороны чтобы никогда уже больше не собраться въ такую дружную семью.

По окончаніи пѣнія рояли были убраны и начались танцы. Мы встали длинными рядами и начали менуэтъ и гавотъ, равномерно и граціозно присѣдая, подавая другъ другу руки, дѣлая глисе, чрезъ что и получалась очень стройная движущаяся картина.

Вслѣдъ за менуэтомъ и гавотомъ начался танецъ съ шарфами. Въ первой парѣ были двѣ красавицы сестры, по матери Грузинки, графини Симоничъ, и мы съ розовыми шарфами вслѣдъ за ними проносились мимо публики, и видъ этихъ молодыхъ, воодушевленныхъ радостію лицъ, былъ прелестенъ, какъ говорили присутствовавшіе тутъ родственники.

Когда окончился этотъ танецъ, публика отправилась смотрѣть наши работы помѣщенные въ одной изъ залъ, на одной стѣнѣ которой висѣлъ громадный коверъ, а на другихъ стѣнахъ рисунки воспитанницъ. Были тутъ головки, пейзажи, цвѣты. На столахъ разложены работы: капотъ для императрицы Александры Θεодоровны, вышитый гладью по тончайшей кисеѣ, мантилья для супруги государя наслѣдника цесаревича великой княгини Маріи Александровны изъ бѣлой матеріи, выложенная лиловымъ шнуркомъ; вышитыя для ея дѣтей гладью платица и много другихъ работъ отличавшихся вкусомъ и изяществомъ.

На императорскіе учебные экзамены, слѣдовавшіе вслѣдъ за публичными, государыня императрица велѣла насъ привезти во дворецъ, и мы отправились въ тѣхъ же каретахъ и въ такомъ же порядкѣ какъ на катанье.

Помню, когда поднимались по лѣстницѣ, то я чувствовала себя какъ бы подавленной и уничтоженной грандіозностію и великолѣпіемъ этой лѣстницы.

Насъ ввели въ огромную залу, гдѣ было поставлено нѣсколько рядовъ кресель. Чрезъ нѣкоторое время вышла государыня императрица и заняла мѣсто въ серединѣ перваго ряда, назади помѣстились нѣсколько фрейлинъ. Государя не было, но приходилъ ненадолго великій князь Константинъ Николаевичъ, бывший тогда женихомъ, невѣста же его Александра Іосифовна, какъ говорили, въ это время брала уроки музыки у Гензельта.

При экзаменахъ присутствовала наша начальница Марья Павловна Леонтьева и инспекторъ Тимаевъ. Послѣдній раздавалъ билеты, по которымъ должны были отвѣчать. Экзаменовались такъ же какъ и на публичномъ только получающія награды 1 отдѣленія.

Императрица, кажется, внимательно насъ слушала, часто поднимая глаза на отвѣчавшую воспитанницу. Въ рукахъ у нея были вилашки, на которыхъ она вязала бѣлый шелковый шнурокъ. Послѣ экзамена насъ повели въ другую залу, гдѣ были накрыты столы и мы сѣли обѣдать. Хозяйкой была великая княгиня Марія Александровна, но входили туда ненадолго государь и государыня. За столомъ прислуживали безшумно ходившіе Арабы въ чалмахъ и сандаляхъ, что насъ очень занимало, мы ихъ видали только на картинкахъ.

Послѣ обѣда мы были отвезены обратно въ Смольный. Послѣ учебнаго экзамена насталъ и послѣдній, такъ называемый императорскій вечеръ, на которомъ присутствовали государь съ государыней и вся царская фамилія, въ томъ числѣ и невѣста великаго князя Константина Николаевича Александра Іосифовна. Она была очень хороша. На ней было бѣлое платье и сбоку въ волосахъ одинъ розовый розанъ. Недоставало только нашихъ очаровательныхъ великихъ княгинь Ольги Николаевны и Александры Николаевны. На императрицѣ было бархатное темногранатное платье съ открытою шеей и короткими рукавами, на головѣ былъ уборъ изъ такого же бархата съ брилліантами, а на шеѣ фермуаръ изъ брилліантовъ съ нитками крупнаго жемчуга, и она, несмотря на свои не молодые лѣта, поражала стройностію, величіемъ и граціей, а шея и руки у нея были совсѣмъ какъ у молодой. Музыка, пѣніе и танцы были тѣ же самые какъ и на публичномъ экзаменѣ, и мы исполняли все это въ тѣхъ же бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ какъ и на томъ, а подъ конецъ вечера была кадрили, въ которой принимали участіе и нѣкоторые члены царской фамиліи. Торжество это закончилось ужиномъ. Накрыты были столы въ этой же залѣ, за которые сѣли государь, государыня и прочіе члены царской фамиліи. Государь въ этотъ вечеръ былъ очень веселъ и со всѣми шутилъ, особенно помню какъ онъ шутилъ обходясь со всѣхъ сторонъ принца Ольденбургскаго,

нашего главнаго начальника, и все ему раскланивался, отчего тотъ казался совсѣмъ сконфуженнымъ.

Императрица, уѣзжая, назначила день своего пріѣзда для раздачи наградъ. У насъ послѣ этого было нѣсколько репетицій, какъ для полученія ихъ мы должны были подходить къ государынѣ, дѣлая черезъ каждые три шага по реверансу, который долженъ былъ быть глубокъ и граціозенъ.

Въ назначенный день насъ всѣхъ получившихъ награды (я получила большую серебряную медаль) повели въ залу, гдѣ сидѣла императрица и тутъ же были принцъ Ольденбургскій, начальница и инспекторъ.

Получавшія шифры подойдя, какъ ихъ учили, опускались предъ государыней на одно колѣно и она сама прищипливала къ лѣвому плечу шифръ и цѣловала въ щеку воспитанницу, а та цѣловала ея руку. Первый шифръ получила Обручева. Получавшія медали подходя держали руки одна въ другую, ладонями вверхъ, куда и клала императрица медаль, взявъ ее съ блюда отъ инспектора, и каждой сказала нѣсколько словъ. Когда я подошла, она спросила мою фамилію и изъ какого я города и услышавъ что изъ Галича сказала что знаетъ его, это въ Галиціи, но я отвѣтила что этотъ Галичъ въ Россіи, въ Костромской губерніи.

Наконецъ, все это было кончено, но мы должны были пробытъ еще нѣсколько дней въ Смольномъ, ожидая числа назначеннаго для выпуска.

Какое это было чудное время! Мы пользовались уже совершенно свободой. Безпрестанно пріѣзжали родители и родственники выпускаемыхъ воспитанницъ; приходили модистки съ примѣрками платьевъ и тутъ уже сказалась горечь разницы общественнаго положенія и состоянія. Нѣкоторыя у которыхъ родители были очень бѣдны требовали отъ нихъ, не понимая этого, такихъ же дорогихъ платьевъ какія видѣли у своихъ богатыхъ подругъ, и когда тѣ отказывали, онѣ огорчались и плакали.

Про себя же скажу что я вся была поглощена радостною мыслию свиданія съ моими далекими и дорогими существами, и радость эта вытѣснила всѣ прочія чувства, померкла даже и привязанность моя къ Д. Ст—вичъ; пропала и ненависть къ Ма—вой кончавшей вмѣстѣ съ нами для блага будущихъ воспитанницъ свою двадцатипятилѣтнюю службу, она замѣнилась равнодушіемъ и какъ будто жалостію что ее никто не любилъ и никто о ней не сожалѣлъ.

Пріѣхала, наконецъ, и Марья Петровна, сказавшая мнѣ что дома всѣ здоровы и съ нетерпѣніемъ меня ждутъ, но что мнѣ придется съ ней прожить въ Петербургѣ мѣсяца два; во-первыхъ, невозможно

по бездорожицѣ пуститься въ путь, насъ выпускали въ половинѣ марта, а во-вторыхъ, дѣла ея еще не будутъ кончены.

Пришлось съ грустью покориться. Съ ней пріѣхала няня моей старшей сестры изъ нашихъ крѣпостныхъ, Авдотья Васильевна, ученая швея которую нарочно прислали чтобъ она могла мнѣ кое-что сшить. Прислала также мама нѣсколько денегъ на мое содержаніе въ Петербургѣ и на покупку необходимыхъ вещей по выходѣ изъ Смольнаго и куска три шерстяной матеріи купленной ею въ разное время для меня у разнощиковъ, разѣзжавшихъ тогда по усадьбамъ.

Наконецъ наступилъ послѣдній день нашего почти девятилѣтняго пребыванія въ Смольномъ! Не сумѣю разказать что я перечувствовала въ этотъ день. Радость смѣнялась грустію и какою-то жалостію ко всѣмъ остающимся за этими стѣнами и даже къ этимъ стѣнамъ которыя, казалось, безъ насъ должны осиротѣть.

Въ послѣдній разъ мы получили приказаніе надѣть наши бѣлыя платья чтобы въ день выпуска быть всѣмъ одинаково одѣтыми; вручили каждой деньги и Евангеліе и повели въ церковь. Въ послѣдній разъ мы встали на клиросы и пропѣли молебенъ, послѣ котораго нашъ священникъ, онъ же и законоучитель, сказалъ намъ трогательное напутственное слово, и мы слушая его всѣ плакали. Наконецъ началось прощаніе съ начальницей, инспектрисой, учителями, классными дамами. Прощаясь другъ съ другомъ, мы обнимались, крѣпко цѣлуясь, обѣщаясь никогда не забывать другъ друга, и многія горько рыдали. И вотъ широко распахнулась дверь нашего монастыря чтобы навсегда за нами затвориться, и мы, неразумныя дѣти для жизни, очутились на той свободѣ о которой мечтали всѣ девять лѣтъ и похожи были на птичекъ вылетѣвшихъ въ первый разъ изъ гнѣзда, радостно и довѣрчиво глядящихъ на Божій свѣтъ и съ неокрѣпшими еще крыльями готовыхъ въ него ринуться, не подозрѣвая что при первомъ же полетѣ можно упасть и можетъ быть на смерть разбиться, не подозрѣвая и того что въ этомъ манящемъ ихъ свѣтѣ много хищныхъ коршуновъ подстерегающихъ подобныхъ бѣдныхъ, неопытныхъ птичекъ. Счастіе было тѣмъ изъ насъ у кого была любящая, руководящая и поддерживающая первые шаги рука, и горе тѣмъ кто ея не имѣлъ.

Здѣсь кончаются мои воспоминанія о Смольномъ, но я стану продолжать для тѣхъ которымъ, можетъ быть, будетъ интересно узнать мои первыя впечатлѣнія, отражавшіяся на мнѣ сквозь призму полученнаго мною воспитанія, мои отношенія къ окружавшимъ тогда меня людямъ и ихъ въ то время образъ жизни.

Х.

Быль сѣренькій дождливый день, когда мы съ Марьей Петровной сѣли въ наемную карету увозившую насъ отъ подъѣзда Смольнаго монастыря. Подъ впечатлѣніемъ горькой разлуки съ Д. Ст—вичъ и другими подругами и зная что куда сейчасъ мы ѣдемъ никто не встрѣтитъ и не обрадуется мнѣ, заплаканными глазами я грустно глядѣла въ окно нашей кареты на улицы казавшіяся уже не такими красивыми какъ въ дни нашего катанія на масленицѣ и на Святой. Безъ особенной радости вошла я въ квартиру Марьи Петровны состоявшую изъ двухъ комнатъ и передней съ окнами выходящими на дворъ.

Теперь буду говорить о Марьѣ Петровнѣ съ которой пришлось мнѣ пробыть въ Петербургѣ больше двухъ мѣсяцевъ.

Она была не только родною сестрой мамы, но онѣ были съ ней даже близнецами и жизнь ихъ стоила жизни ихъ матери, моей бабушкѣ, умершей сейчасъ же послѣ ихъ рожденія 19 лѣтъ отъ рода.

Природа создавая ихъ какъ будто нарочно создала два совершенные контраста какъ по наружности, такъ и по внутреннимъ качествамъ. Обѣ онѣ были хороши, но безъ малѣйшаго сходства между собой, и глядя на нихъ трудно было повѣрить что онѣ родныя сестры и двойни; внутреннія же качества отличались еще большимъ контрастомъ.

Марья Петровна была страшная эгоистка и неимовѣрно скупа, мама же не знала и не понимала жизни для себя и была безпредѣльная доброта. Первая своихъ дѣтей не любила, вторая только и жила ими. Марья Петровна любила наряды, выѣзды, танцы; мама терпѣть этого не могла и помню что съ отцомъ у нихъ часто были ссоры, когда онъ требовалъ чтобъ она съ нимъ выѣхала въ гости.

Чтобы дополнить характеристику Марьи Петровны и сказать до чего она была безсердечна, приведу одинъ случай поселившій въ моемъ тогда еще семилѣтнемъ сердцѣ нелюбовь къ ней. У нея была маленькая дочка на которую какъ и на прочихъ дѣтей она не обращала никакого вниманія, оставляя ихъ на попеченіи нянекъ.

Дѣвочка эта опасно захворала, такъ что каждую минуту ждали ея смерти, а Марьѣ Петровнѣ надо было ѣхать въ гости, гдѣ предполагались танцы, и вотъ она дѣлаетъ распоряженіе что если ребенокъ умретъ, то не присылать къ ней объ этомъ съ извѣщеніемъ.

И дѣйствительно, дѣвочка умирала и умерла на чужихъ рукахъ, а ея мать въ это время танцевала.

Помню, какъ отецъ былъ этимъ возмущенъ и бранилъ ее, а бѣд-

ная мама очень ее любившая, какъ теперь вижу, сидеть подперевъ рукою лицо и опустивъ въ смущеніи глаза, вѣроятно, отыскивая и не находя въ своемъ сердцѣ для нея оправданія.

Выйдя послѣ этого разговора въ дѣвичью я и тамъ услышала о ней сужденіе и, помню, какъ одна изъ дворовыхъ женщинъ сказала: „мы рабы, а не пошли бы плясать, когда умиралъ бы нашъ ребенокъ“.

Жизнь по выходѣ изъ Смольнаго въ ожиданіи выѣзда изъ Петербурга потекла для меня очень скучно, и было бы еще скучнѣе, еслибы мнѣ не пришла мысль на выданные въ Смольномъ 137 руб. съ приложеніемъ изъ денегъ присланныхъ мамой на наряды купить себѣ фортепіано, что я и исполнила, упробивъ Марью Петровну помочь мнѣ въ этомъ.

Она отговаривалась все какими-то дѣлами, по которымъ ежедневно уѣзжала изъ квартиры, оставляя меня съ Авдотьей Васильевной, оказавшейся очень глупою особой. Она на всѣ мои разпросы о мамѣ и домашнихъ не могла связать ни одной для меня понятной фразы, такъ что я на это дѣло махнула рукой, предпочитая молчаніе разговору съ ней. Купивъ же фортепіано все свободное время проводила за нимъ. Одинъ разъ откуда-то пріѣхавъ Марья Петровна сказала что встрѣтила своего двоюроднаго брата Геннадія Ивановича Невельскаго который хотѣлъ быть скоро у насъ.

Надо сказать что мама и ея сестры въ дѣвицахъ носили фамилію Невельскихъ и были дѣти двухъ родныхъ братьевъ съ Геннадіемъ Ивановичемъ Невельскимъ Амурскимъ (назову его хоть въ своихъ воспоминаніяхъ этимъ именемъ).

Говоря о Геннадіѣ Ивановичѣ, Марья Петровна назвала его удивительнымъ красавцемъ. Красоту мужскую я иначе не могла представить какъ вродѣ красоты императора Николая Павловича. Каково же было мое изумленіе, когда спустя нѣсколько времени къ намъ вошелъ морской офицеръ, небольшого роста, съ лицомъ сильно испорченнымъ оспою, съ маленькими глазками, съ небольшою растительностію на головѣ и вообще очень невзрачный.

Онъ отрекомендовался мнѣ дядюшкой и сейчасъ же подвелъ меня подъ руку къ окошку (квартира наша была темновата) чтобы посмотрѣть похожа ли я на сестрицу Александру Петровну (мою маму).

Съ его приходомъ вся квартира наша какъ будто оживилась. Это былъ въ высшей степени подвижной человекъ. Онъ не могъ сидѣть на мѣстѣ и все время ходилъ изъ угла въ уголокъ по нашей комнатѣ, иногда останавливаясь предо мною, рассказывая о тѣхъ заботахъ, затрудненіяхъ и разныхъ препятствіяхъ которыя онъ несетъ въ настоящее время, собираясь въ свой дальній путь въ Сибирь; говорилъ объ

опасностяхъ и лишеніяхъ предстоящихъ на его пути и тамъ, гдѣ онъ будетъ, но прибавлялъ что онъ готовъ все перевозмочь, все преодолѣть и ни передъ чѣмъ не остановится и что если ему удастся исполнить то что онъ задумалъ, то это не мало прибавитъ и славы и пользы для Россіи. Слушая его, я думала про себя: „ахъ, какъ онъ обожаетъ Россію!“ и глядя на его воодушевленное лицо, на его сверкающіе огнемъ глаза, онъ мнѣ казался и выше ростомъ и даже красивымъ.

Онъ просидѣлъ у насъ недолго, говоря что въ настоящее время не имѣетъ рѣшительно ни одной свободной минуты.

Какъ онъ выполнилъ свою задачу, это уже извѣстно. Онъ оцѣненъ и ему воздвигли памятникъ во Владивостокѣ за тѣ самыя дѣянія, за которыя въ 1850 году Комитетъ Министровъ подъ предсѣдательствомъ графа Несельроде присудилъ его къ разжалованію въ солдаты. Недоставало только подписи государя на этомъ приговорѣ который былъ ему представленъ, и у Геннадія Ивановича оставалась одна надежда на него.

Но великій умъ императора Николая Павловича прозрѣлъ какая будетъ польза отъ его открытій для Россіи и поняло его сердце рыцаря что не честолюбіе руководило поступками этого человѣка, а только любовь къ родинѣ и ея славы. Онъ назвалъ его патриотомъ и молодцомъ, и Невельской вышелъ изъ его кабинета, куда былъ призванъ для объясненій, не разжалованнымъ солдатомъ, а обласканнымъ и награжденнымъ. Въ это же время государь велѣлъ въ другой разъ собраться Комитету, назначивъ предсѣдателемъ тогда наследника, а впоследствии императора Александра II, начертавъ эти знаменательныя слова значащіяся на памятникѣ Невельскаго: „Гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже опускаться не долженъ“. Желающіе подробно познакомиться съ присоединеніемъ къ Россіи Пріамурскаго и Пріусурійскаго края безъ единой капли русской крови, стоившимъ только нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, могутъ прочесть записки Геннадія Ивановича Невельскаго, изданныя уже послѣ смерти этого въ высшей степени честнаго, правдиваго и слишкомъ скромнаго по отношенію себя и своей жены человѣка, какимъ я узнала его впоследствии и какимъ вѣроятно помнятъ всѣ лично его знавшіе. Я же рассказы объ этой экспедиціи слышала частію отъ самого Геннадія Ивановича, частію отъ моего знакомаго по Костромѣ Николая Константиновича Бошнякъ, бывшаго подъ его начальствомъ въ этой экспедиціи, который между прочимъ рассказывалъ, какимъ свѣтлымъ и согрѣвающимъ лучомъ была для нихъ всѣхъ жена Геннадія Ивановича Екатерина Ивановна Невельская; какъ освѣщала и согрѣвала этотъ лучъ тѣхъ дикихъ Гиляковъ, среди которыхъ судьба ее забросила и гдѣ она провела много лѣтъ, терпя нужду, голодъ и холодъ.

Онъ рассказывалъ какъ она изучала ихъ языкъ чтобы пролить свѣтъ въ ихъ закоснѣлыя сердца, какъ она ласкала и дѣлилась съ этими дикарями послѣднимъ кускомъ, желая снискать ихъ довѣріе и любовь къ ея мужу, которому они были такъ необходимы въ его изысканіяхъ.

Да, этою женщиной, повторяю опять, должна гордиться вся Россія и ей я хочу теперь посвятить нѣсколько своихъ личныхъ воспоминаній.

Въ одно время со мною и въ одномъ классѣ воспитывались въ Смольномъ двѣ сестры Ельчаниновы. Старшая изъ нихъ была тихаго и сосредоточеннаго характера, а лицо ея такъ и просилось на полотно художника для изображенія лика Мадонны. Младшая сестра, впоследствии Невельская, была сама радость и веселіе и при большомъ умѣ была и собой очень хороша. Она была небольшого роста, блондинка съ правильными чертами лица и съ прелестными большими голубыми глазами имѣвшими ту особенность что, когда лицо ея смѣялось и голосъ звонко раздавался отъ смѣха, онѣ не измѣняли своего вдумчиваго выраженія, придавая тѣмъ особую оригинальную прелесть. Круглыя сироты, онѣ послѣ выпуска изъ Смольнаго были взяты ихъ роднымъ дядею Зоринымъ, тогда иркутскимъ губернаторомъ, и вотъ здѣсь-то проѣздомъ черезъ этотъ городъ и увидѣлъ ее Геннадій Ивановичъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго что она произвела на него такое сильное впечатлѣніе что онъ рѣшился сдѣлать ей предложеніе не скрывая отъ нея тѣхъ опасностей и лишеній ей предстоящихъ, если она съ нимъ отправится и даже убѣждая вмѣстѣ съ ея родными не пускаться въ этотъ опасный путь (все это я слышала отъ самой Екатерины Ивановны).

Но молоденькая девятнадцатилѣтняя женщина проникается удивленіемъ и восторгомъ къ этому невзрачному на видъ человѣку, проникается его духомъ и энергіей и всюду хочетъ за нимъ слѣдовать и дѣлить съ нимъ всѣ опасности и лишенія, которыхъ она не могла и вообразить, но которыя, по словамъ Бошняка, твердо и мужественно перенесла.

Надо сказать что Невельскіе, возвратясь изъ Владивостока, зиму жили въ Петербургѣ, уѣзжая на лѣто въ свою усадьбу Костромской губерніи и проѣзжая Костромой, гдѣ я въ это время жила, Екатерина Ивановна никогда меня не забывала и навѣщала и здѣсь-то въ дружескихъ бесѣдахъ она мнѣ рассказывала все что испытала и перенесла, и рассказы эти могли бы составить цѣлую интересную книгу.

Она не жалѣла своихъ цвѣтушихъ годовъ прошедшихъ въ такой ужасной жизни, напротивъ, говорила что была счастлива что ея при-

сутствие поддерживало бодрость и энергию ее мужа и всехъ участвовавшихъ въ этой экспедиціи, но не могла безъ слезъ говорить о своихъ душевныхъ страданіяхъ, когда на ее рукахъ умирала крошка дочь, для спасенія которой нужно было молоко, а его не было; у нихъ была одна только соленая рыба, которую не принималъ желудокъ ребенка.

Могила ихъ ребенка была первою русскою могилою въ этомъ краѣ. Разказывали также о душевныхъ мукахъ перенесенныхъ ею, когда ее мужъ и другіе участники этой экспедиціи отправлялись на изысканія, каждый порознь, въ сопровожденіи неизвѣстныхъ имъ дикарей. Это продолжалось не день, не два, а иногда недѣли. Поднимались мятели и вьюги, и она знала какимъ опасностямъ они подвергались въ этихъ пустынныхъ тайгахъ, и ее саму окруженную тѣми же дикарями, въ ихъ наскоро построенномъ холодномъ домикѣ, совсѣмъ заносило снѣгомъ.

Но зато сколько было радости, говорила она, когда они все возвращались невредимыми; сколько слышала она разказовъ о сдѣланныхъ имъ открытіяхъ, о тѣхъ опасностяхъ которыми иногда подвергались эти отважные, неустрашимые и самоотверженные пионеры.

Въ 1894 году дочь Невельскихъ, Вѣра Вендъ, издала въ Парижѣ книгу, съ предисловіемъ Juliette Adam, подъ заглавіемъ: „L'amiral Nevelskoi ou la conquête définitive du fleuve Amour,“ посвятивъ ее Феликсу Фору, бывшему тогда морскимъ министромъ.

Въ этой книгѣ между прочимъ есть нѣсколько писемъ Екатерины Ивановны, писанныхъ ею по-французски роднымъ съ дороги и по приѣздѣ въ тотъ край, куда она отправилась со своимъ мужемъ изъ Иркутска черезъ три недѣли послѣ свадьбы.

Желая познакомить русскихъ женщинъ съ характеристикой той, съ которой французскія женщины уже знакомы, я перевела эти письма и помѣщаю ихъ въ концѣ моей книги.

Читающіе ихъ увидятъ сколько ума, благородства и вмѣстѣ съ этимъ сколько чувствуется силы воли и твердости характера въ этой девятнадцатилѣтней женщинѣ-ребенкѣ. Она всегда могла бы возвратиться къ своимъ роднымъ и, вѣроятно, ее мужъ для ее спокойствія былъ бы даже этому радъ, но у Екатерины Ивановны слова не разнились съ дѣломъ, она возвратилась въ Россію со своимъ мужемъ, пробывъ въ Сибири около шести лѣтъ, хотя эта жизнь, полная лишеній, не могла не отразиться на ее здоровьѣ. По возвращеніи въ Россію она часто хворала и умерла сравнительно еще молодой, 46 лѣтъ, переживъ своего мужа тремя годами.

XI.

Было больше половины мая и лѣтняя дорога давно уже установилась, но Марья Петровна и не думала собираться изъ Петербурга, говоря что дѣла ее еще не кончены и она не знаетъ когда ей можно будетъ выѣхать. Въ это время получено было изъ дома не одно письмо съ просьбой поскорѣй приѣзжать и съ извѣстіемъ что мама и все домашніе не знаютъ какъ меня и дожидаться.

Я сильно затосковала и стала просить Марью Петровну отпустить меня домой съ Авдотьей Васильевной, увѣряя ее что мама за это не будетъ сердиться, а напротивъ, будетъ ей благодарна. Къ моимъ просьбамъ присоединилась и Авдотья Васильевна, обѣщая меня всеми силами покоить и охранять въ дорогѣ. Ей также хотѣлось скорѣе вырваться изъ Петербурга, гдѣ главнымъ образомъ не нравилась пища „Св. Антонія“, къ которой она у насъ дома не была приучена. И вотъ, когда послѣ нѣкоторыхъ колебаній Марья Петровна согласилась насъ отпустить, она тотчасъ же отправилась къ нашимъ крѣпостнымъ жившимъ по оброку въ Петербургѣ чтобъ узнать нѣтъ ли съ нашей стороны надежнаго извозчика. Возвратясь оттуда она съ радостію объявила что именно такой отыскался и привела его съ собой. Онъ на дняхъ хотѣлъ уѣзжать и приискивалъ подходящихъ пассажировъ, такъ что за умеренную цѣну взялся насъ доставить въ Галичъ. У него была пара лошадей съ кибиткой вродѣ тарантаса и одна лошадь въ телѣгѣ для клади, что именно требовалось для меня, имѣвшей вмѣсто клади фортепіано. Хотя въ перспективѣ предстояло ѣхать почти шагомъ, такъ какъ телѣгой правилъ мальчикъ и извозчикъ требовалъ чтобъ онъ отъ насъ не отставалъ, но я съ восторгомъ стала укладываться и въ назначенный день мы выѣхали.

Съ радостію и безъ сожалѣнія оставляла я Петербургъ котораго, не смотря на девятилѣтнее въ немъ пребываніе, совсѣмъ не знала, такъ какъ Марья Петровна ничего въ немъ достопримѣчательнаго мнѣ не показала. Ямщикъ нашъ оказался хорошимъ, трезвымъ старикомъ изъ старовѣровъ. Деревня его была въ пяти верстахъ отъ нашей усальбы и онъ зналъ маму, а покойному отцу, какъ онъ говорилъ, былъ чѣмъ-то обязанъ, и еслибы тотъ былъ живъ, я могла бы ему сказать что онъ хранилъ меня какъ зеницу ока. Бывало мы подѣдемъ къ постоялому двору и онъ непременно скажетъ: „Вы посидите тутъ съ нянюшкой, а я пойду узнаю, есть ли вамъ отдѣльная комната“, и когда бывало тамъ много народа и комнаты отдѣльной не было, то посоветуетъ намъ прогуляться по деревнѣ, а

народъ, дескать, тѣмъ временемъ, можетъ, и посвалить. И я выскакивала изъ кибитки и шла вдоль деревни въ сопровожденіи Авдотьи Васильевны, сильно на это ворчащей какъ на помѣху отвлекающую ее отъ самовара за которымъ она привыкла выпивать безчетное количество чашекъ чаю. Если было близко поле, то непременно отправлялась туда, сопровождаемая иногда толпою деревенскихъ ребятшекъ и, вдыхая въ себя чудный весенній воздухъ, набрасывалась на полевые цвѣты. „Экую невидаль, барышня, набираете“, ворчала Авдотья Васильевна, „ужо хозяйка будетъ вамъ благодарна, когда вы натащите къ ней этого хламу“; но ворчанье ея меня не останавливало: я набирала цвѣтовъ сколько могла и приносила ихъ съ собой на постоянный дворъ, гдѣ разбирала и любовалась ими, собирая въ небольшіе букеты; для меня они были дѣйствительно невидаль, вѣдь девять лѣтъ я ихъ не видала. Всю дорогу мы ѣхали благополучно, но помню что меня очень удивляли разговоры на нѣкоторыхъ постоянныхъ дворахъ о какомъ-то соцкомъ. То спрашивали, былъ ли у васъ соцкій, то говорили что ждутъ соцкаго, и я думала что это очень распространенная и, должно-быть, знатная фамилія что ими всѣ такъ интересуются.

Ѣхали мы опять не на Москву, а выѣзжали на Угличъ. Этотъ городъ особенно мнѣ запомнился по многимъ попавшимся намъ навстрѣчу гробамъ съ покойниками. Тамъ была сильная холера, какъ и во многихъ другихъ городахъ которыми мы проѣзжали, но я не понимала опасности и нисколько не остерегалась, употребляя вмѣсто чая простоквашу.

Но вотъ мы и въ Костромѣ. Она на меня произвела очень грустное впечатлѣніе, потому что вся обгорѣла и не успѣла еще обстроиться послѣ страшнаго пожара.

Оказалось что пожаръ этотъ былъ дѣломъ рукъ разныхъ злоумышленниковъ желавшихъ половить рыбу въ мутной водѣ.

Отъ Костромы оставалось до Галича 120 верстъ и такъ какъ стояла страшная жара, то извозчикъ нашъ рѣшилъ днемъ кормить, а ночью ѣхать.

И вотъ настала послѣдняя ночь, къ утру мы должны были быть въ Галичѣ. Вдругъ на меня нападаетъ ужасный страхъ и кажется что въ эту ночь непременно должно что-нибудь случиться чтобы лишить меня этого счастья. Вспомнивъ разказы въ дѣтствѣ о разбойникахъ убивающихъ на дорогѣ, я думаю что и меня въ эту ночь непременно убьютъ и прибирая въ своемъ умѣ чѣмъ бы разжалобить этихъ разбойниковъ чтобъ они хоть одинъ разокъ передъ смертью дали взглянуть на все для меня дорогое, потихоньку плачу,

вздрагивая отъ малѣйшаго шороха, и каждый кустикъ кажется двигающимся и приближающимся къ намъ.

Но лѣтняя ночь коротка и съ ея разсвѣтомъ разсѣиваются и мои страхи. Солнышко ярко вошло, когда мы приблизились къ той горѣ, гдѣ девять лѣтъ тому назадъ я со всѣми прощалась, и какъ радостно затрепетало мое сердце, и какъ хорошъ съ этой горы показался мнѣ мой родной городъ съ его громаднымъ озеромъ и высокими кругомъ горами. Но мы въ него не поѣхали, а повертели направо на проселочную дорогу къ усадьбѣ, и я прошу извозчика ѣхать скорѣй, скорѣй. Всего осталось двѣ версты и уже виднѣется красная крыша нашего дома, и мы вскорѣ подѣзжаемъ къ воротамъ краснаго двора, раствореннымъ настезь и какъ бы приглашавшимъ насъ.

Было раннее утро и никого не было видно, только у самага дома стояла какая-то женщина, которая взглянувъ на меня, всплеснула руками и скрылась въ дверяхъ. Мы подѣзжаемъ къ крыльцу, и я выскакиваю изъ кибитки, но меня не слушаютъ ноги и сильно дрожать, въ глазахъ ходятъ темные круги, а сердце такъ сильно бьется что готово, кажется, разорваться, и взбираясь на крыльцо должна придерживаться за стѣну чтобы не упасть.

Вхожу въ нашу огромную дѣвичью. Въ ней никого нѣтъ, но изъ коридора вижу спѣшить какая-то сѣдая старушка, она уже близко и я прошу ее позвать ко мнѣ маму, но она съ рыданіемъ бросается ко мнѣ на шею. Это была она, моя родная мама, измѣнившаяся до неузнаваемости, и мы крѣпко обнявшись плачемъ обѣ счастливыми слезами. Выбѣгаетъ сестра и я перехожу въ ея объятія, выходитъ ея мужъ Николай Михайловичъ, съ которымъ знакомлюсь и дружусь съ перваго же дня.

Между тѣмъ дѣвичья все больше и больше наполняется дворowymi женщинами, дѣвушками и ребятами. Всѣмъ хочется напомнить о себѣ, схватить для поцѣлуя мою руку, которую не даю и вырываю, слышу возгласы: „Да полно, наша ли это барышня?“

Среди нихъ замѣчаю дряхлую плачущую старушку, старающуюся ко мнѣ приблизиться, что-то знакомое кажется, но не узнаю: „это, говорятъ, ваша няня“, и я бросаюсь къ ней и крѣпко цѣлую.

Но вотъ черезъ головы всей этой толпы въ растворенную дверь вижу спѣшить моя тѣтя Вѣра. Она ничего не измѣнилась, и я сейчасъ ее узнала. Платокъ ея развѣвается, волосы распустились и слезы градомъ катятся по лицу. Она расталкиваетъ толпу и съ воплемъ радости бросается мнѣ на шею. Боже! за что столько счастья! Но вспоминаю что есть еще два маленькіе, незнакомые, родные мнѣ существа, братъ и сестра, и бѣгу по знакомой лѣстницѣ наверхъ, въ мою прежнюю дѣтскую. Они только-что проснулись, и я крѣпко цѣ-

лую ихъ. Сбѣгая опять внизъ, слышу что мама моя что-то протестуетъ, кого-то обвиняетъ что не дадутъ ребенку чаю напиться, да надо послѣ чаю ребенка спать уложить. Это все меня-то! Сестра смѣется говоря: „да вы бы, маменька, взяли ее на руки и снесли въ столовую, вѣдь говорили же вы вчера что никому не дадите вынуть ее изъ экипажа и сами внесете въ комнаты“; это меня-то! когда я чувствовала въ себѣ столько здоровья и силы что ее саму безъ труда подняла бы на руки. Она, моя родная, вѣроятно, иначе не могла меня представить какъ мозглявою худую дѣвочкой которую до самаго моего отъѣзда легко поднимала, какъ я не могла себѣ представить ее сѣдою старушкой. Чтобъ успокоить ее, иду въ столовую, гдѣ уже приготовлены разныя съѣдобныя прелести, но мнѣ ничего не хочется и съ трудомъ выпиваю чашку чаю, поглядывая въ растворенное окошко въ садъ. Тамъ что-то очень бѣлѣется, и обнявъ и крѣпко разцѣловавъ маму бѣгу черезъ балконъ туда, куда слѣдомъ за мной и всѣ идутъ. Это бѣлѣлись яблони въ цвѣту, ихъ много и каждую своими руками посадилъ и привилъ самъ отецъ, но, какъ говоритъ тутъ же мама, ни отъ одной не дождался ни цвѣта, ни плода, какъ, думаю, не дождался и меня, и слеза невольно набѣгаетъ на глаза, но я быстро ее смахиваю. Нѣтъ, нѣтъ, ни одной слезы не надо въ этотъ блаженный счастливый день. Миръ Божій такъ прекрасенъ, и какъ я всѣхъ люблю!

Теперь, стоя уже на краю могилы и съ тоской оглядываясь на свое прошлое, воспоминаніе объ этомъ днѣ какъ яркая звѣздочка среди мрака сіяетъ предо мною, согрѣвая мое наболѣвшее старое сердце.

XII.

Этотъ счастливый для меня 1848-й годъ былъ страшнымъ для обитателей города Галича. Тамъ свирѣпствовала сильная холера и Николай Михайловичъ, уѣзжавшій на службу въ 8 часовъ утра и возвращавшійся въ три часа дня (онъ служилъ судьей по выборамъ дворянства), привозилъ оттуда вѣсти одна другой печальнѣе.

Изъ двухъ тамъ бывшихъ докторовъ одинъ умеръ, другой часто бывалъ въ уѣздѣ и бѣдные жители этого захолустнаго городка были предоставлены самимъ себѣ. Самый городъ такой красивый, когда смотришь на него съ горы, стоитъ въ ямѣ при громадномъ озерѣ въ девять верстъ ширины и въ санитарномъ отношеніи крайне удобенъ для воспріятія всякихъ заразныхъ болѣзней, а такъ называемое мѣстечко Козья Слободка лежитъ еще ниже около ручья и по

стоку всѣхъ нечистотъ; по словамъ Николая Михайловича, жители ея поголовно всѣ вымерли и ихъ маленькіе домики были наглухо заколочены.

О санитарныхъ условіяхъ никто и понятія не имѣлъ, ждали одного санитаря, мороза, и, къ счастью, холода начались съ сентября мѣсяца. Холера прекратилась и мы всѣ изъ усадьбы переѣхали въ Галичъ, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ окраины города у мамы былъ свой домъ съ небольшимъ садомъ, въ которомъ въ одной половинѣ помѣстилась сестра съ мужемъ, а въ другой мама съ дѣтьми; у меня же въ мезонинѣ были двѣ хорошенькія свѣтлыя комнаты изъ окошекъ которыхъ видна была часть озера.

Этой же осенью я познакомилась съ Алексѣемъ Теофилактовичемъ Писемскимъ, въ то время женихомъ Екатерины Павловны Свинойной. Усадьба его была въ Галицкомъ уѣздѣ, гдѣ жила его мать разбитая параличемъ и три тѣтки, старыя дѣвушки. Но онъ мало тамъ находился, живя большею частію у Николая Михайловича съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со временъ своего студенчества.

Тамъ же былъ написанъ его первый романъ „Тюфякъ“ и такъ какъ Писемскій имѣлъ очень плохой почеркъ, то Николай Михайловичъ его самъ переписалъ, предрекая ему авторскую будущность, въ которой тотъ какъ начинающій очень сомнѣвался.

Въ ихъ же домѣ онъ познакомился съ бывшею тогда его невѣстой, мать которой Надежда Аполлоновна, урожденная Майкова, была дружески знакома съ моею сестрой. Ихъ усадьба также была въ Галицкомъ уѣздѣ.

Писемскій, когда его увидѣла, былъ молодой человекъ съ выразительнымъ лицомъ и очень худой, нисколько не напоминавшій ту развалину которую я впоследствии увидѣла въ Москвѣ. Невѣста же его говорила что онъ похожъ на Грановскаго, прибавляя при этомъ: „а Грановскій былъ красавецъ“. Онъ же, говоря объ Екатеринѣ Павловнѣ, декламировалъ изъ Гамлета:

Бѣлый голубъ она
Въ черной стаѣ грачей.

Послѣ свадьбы они уѣхали въ Кострому, гдѣ Писемскій опредѣлился въ чиновники особыхъ порученій при губернаторѣ, и скорѣе его романъ „Тюфякъ“ былъ напечатанъ въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ. Помню въ какомъ былъ восторгѣ Николай Михайловичъ, получивъ его отъ Писемскаго отдѣльною книгой, на бѣломъ листкѣ которой было написано къ нему нѣсколько теплыхъ строкъ.

Это первое время послѣ выпуска было самое счастливое во всей моей жизни.

Противъ второй заповѣди я не грѣшила и мнѣ такъ чувствовалось хорошо среди окружающей меня любви.

Эти добрые люди, бывшіе жители города Галича, изъ которыхъ давно уже нѣтъ ни одного на свѣтѣ, считали меня какъ бы своимъ достояніемъ, говоря что имъ доставляетъ большое удовольствіе глядѣть какъ я веселюсь. Помню, въ какомъ были восторгѣ, увидя меня въ маскарадѣ въ русскомъ нарядѣ: въ бѣломъ глазетовомъ сарафанѣ, съ темною бархатною повязкой, украшенною жемчугомъ, и съ пунцовою лентой въ моей длинной косѣ.

Эта зима была самая веселая. Приѣхало нѣсколько помѣщичьихъ семействъ, гдѣ много было молодыхъ дѣвицъ. Я съ ними знакомилась, но подругъ между ними не имѣла. Мои подруги были въ пространствѣ, и я имъ не измѣняла.

На балахъ, въ большой залѣ одного купеческаго дома, игралъ хорошій оркестръ состоявшій изъ 16 человекъ музыкантовъ и принадлежавшій мѣстному помѣщику, большому меломану, князю Вяземскому.

Помню что при входѣ въ эту залу мнѣ особенно нравилась какъ бы живая картинная галерея состоящая изъ галицкихъ купчихъ въ ихъ мѣстныхъ красивыхъ нарядахъ, въ залитыхъ золотомъ сарафанахъ и въ высокихъ наклонахъ на головѣ, усыпанныхъ жемчугомъ, съ жемчужными же подвѣсами падающими на глаза, что дѣлало ихъ всѣхъ очень хорошенькими.

Онѣ приходили всегда рано, садясь рядомъ по стѣнкѣ и, повторяю опять, представляли изъ себя прелестную живую картину.

Я танцевала много и любила танцевать, но болѣе того любила сидѣть дома въ обществѣ моей сестры и ея мужа, съ которыми никогда мнѣ не бывало скучно. Кромѣ того, въ моемъ распоряженіи было много книгъ и нотъ. Николай Михайловичъ выписывалъ журналы, изъ которыхъ самый любимый его былъ *Современникъ*. Помню онъ былъ восторгѣ, прочитавъ статью Добролюбова: „Темное царство“ и захлебывающимся отъ волненія голосомъ вторично читалъ намъ ее вслухъ съ сестрой.

Но на ясномъ моемъ горизонтѣ скоро стали появляться тучки, и міръ Божій, казавшійся такимъ прекраснымъ, сталъ тускнѣть въ моихъ глазахъ.

Я говорила раньше о необыкновенной добротѣ моей мамы которая рѣшительно не могла видѣть человека въ нуждѣ чтобы не помочь ему, но часто доброту ея эксплуатировали, а потому всѣ получаемые ею доходы быстро исчезали. Теперь же въ эти расходамъ

присоединилась у ней страсть покупать мнѣ разныя ненужности, не говоря уже о платьяхъ.

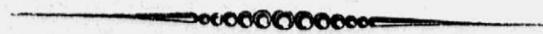
Все это дѣлалось потихоньку отъ насъ съ сестрой и когда мы начинали говорить ей что эта лишняя трата денегъ и что у меня всего довольно, она огорчалась и даже плакала какъ дитя, говоря что не дадутъ потѣшить ребенка, то-есть, меня, который въ продолженіе десяти лѣтъ не видалъ ни отъ кого ласки, ни любви, и что я говорю это со словъ сестры.

Ну, какъ было вразумлять ее послѣ этого? Но вотъ наступалъ платежъ процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ, гдѣ все имѣніе было заложено, а деньги всѣ издержаны. Мама начинала страдать и плакать, а со стороны Николая Михайловича начинались хлопоты о деньгахъ, при чемъ недостача пополнялась изъ его жалованья и небольшого дохода съ имѣнія.

Они съ сестрой были небогатые люди, и я скоро увидѣла какъ они урѣзывали себя, желая помочь мамѣ. Не знаю что было бы безъ нихъ со всѣми нами.

Они, не имѣя своихъ дѣтей, всецѣло посвятили жизнь нашему семейству и свято исполнили просьбу отца, который, какъ разказывала сестра, незадолго до смерти велѣлъ поднять себя и до земли поклонился Николаю Михайловичу, съ которымъ былъ очень друженъ, несмотря на разницу лѣтъ и воспитаніе, прося его не оставить всѣхъ насъ, изъ которыхъ беспомощнѣе всѣхъ была наша мама. И вотъ когда я увидѣла всѣ эти недостатки, волненія, страданія мамы, безпокойство сестры и ея мужа, то стала чувствовать себя какъ бы лишнимъ гнетомъ для нихъ; стала чувствовать свою бесполезность и хотя начала заниматься съ маленькимъ братомъ, но хорошо понимала что за три рубля въ мѣсяцъ (тогда были такія цѣны) нашелся бы учитель не хуже меня и что это не велика была поддержка для семьи. Все это больше и больше меня угнетало и тѣмъ болѣе было тяжело что я должна была таить все это въ себѣ, зная что вызвала бы со стороны сестры и Николая Михайловича протестъ, а со стороны мамы даже ужасъ что я могла подумать о себѣ какъ о лишней обузѣ для нихъ.

Черезъ три года послѣ выпуска я вышла замужъ и уѣхала изъ Галича.

Письма Екатерины Ивановны Невельской

въ переводѣ М. С. Угличаниновой.

Станція Верхоленская (на берегу Лены),

16-го мая 1851 г.

Здравствуйте, мои добрые, мои дорогие друзья! Вотъ уже болѣе 24 часовъ какъ я живу вдали отъ васъ! Мнѣ такъ грустно, я не могу безъ слезъ думать о васъ! Но пусть это не печалитъ васъ, мои возлюбленные. Иначе это не можетъ быть; вѣдь такъ мало прошло времени послѣ нашего прощанія. Постараюсь пріучить себя къ разлукѣ съ вами; мой веселый характеръ мнѣ въ этомъ поможетъ и, можетъ быть, я перенесу ее безъ особенной горечи. Какъ я вамъ благодарна за эти два прекрасные года проведенные мною среди васъ, мой дорогой дядюшка, моя дорогая тетушка! Это время будетъ сладкимъ воспоминаніемъ на всю мою жизнь. Мнѣ такъ хочется получить отъ васъ вѣсточку, узнать какъ вы возвратились и хоть немного поуспокоились ли послѣ нашей горестной, ахъ, какой горестной разлуки! Я очень беспокоилась о васъ, мой дорогой дядюшка; былъ такой сильный вѣтеръ, и я смертельно боялась за васъ чтобы вы не простудились. Не могу себѣ простить что дозволила провожать насъ такъ далеко.

Мы пріѣхали въ Качугу, огромную деревню на берегу рѣки Лены. Это пунктъ въ которомъ обыкновенно садятся на судно для спуска по рѣкѣ. Мы сдѣлали осмотръ нашего судна которое должно насъ принять на свой бортъ. Это почти маленькій корабль. Оно отличается между всѣми остальными своею красивою формой и имѣетъ изящный и чистенькій, очень привлекательный видъ. Но мы рѣшили сдѣлать еще 36 верстъ въ экипажъ и сѣсть на него ниже.

Лена совсѣмъ не такъ хороша, какъ я ее себѣ представляла по сдѣланнымъ мнѣ описаніямъ. Однако, мой мужъ увѣряетъ что дальше она меня очаруетъ.

Мы ѣдемъ не очень скоро. Въ противоположность своимъ холостымъ привычкамъ мой мужъ удерживаетъ рвеніе ямщика и вмѣсто того чтобы его торопить какъ прежде, „тише“ замѣнило нетерпѣливое „скорѣй“, и я спрашиваю этого господина: кто такъ измѣнилъ моего Невельскаго?

Мы садимся на лодку сегодня вечеромъ. Хочу воспользоваться нѣсколькими часами которые должны провести на берегу чтобъ отдохнуть, такъ какъ совсѣмъ валюсь отъ усталости и сна. Что вамъ еще сказать, мои друзья? Ахъ! все одно и то же: я васъ люблю всею душой и думаю постоянно о васъ. Воображеніе переноситъ меня въ гостиную тетюшки, гдѣ мы обыкновенно находились, и гдѣ со вчерашняго дня мое мѣсто опустѣло. Эти воспоминанія такія сладкія и горькія въ одно и то же время заставляютъ меня снова и снова проливать слезы. Они застилаютъ мнѣ глаза и не даютъ продолжать моего письма. Прощайте, мои друзья, мои дорогіе друзья! Боже мой! сколько времени должно пройти прежде чѣмъ я устно могу вамъ сказать: здравствуйте и прощайте! Преданная вамъ Катя.

Витимъ 1) (писано на борть) 23-го мая 1851 г.

Пользуюсь оказіей чтобы опять дать вамъ о себѣ вѣсточку. Мы пристали къ Киристеню въ полдень. На берегу насъ ожидали дрожки. Время было ужасное, дождикъ лилъ какъ изъ ведра, но я храбро вступила на землю прикрываясь дождевымъ зонтикомъ и направляясь къ экипажу (если только это можно назвать экипажемъ), запряженному двумя лошадьми, лучшими, какъ говорили, какихъ могли найти въ Киристеню. Этотъ экипажъ былъ такъ неудобенъ, а лошади, я увѣрена, были увѣчныя, подвигались такъ тихо что разстояніе между берегомъ и красивымъ домикомъ приготовленнымъ для насъ, гдѣ мы должны были позавтракать, показалось мнѣ нескончаемымъ.

Стало очень холодно 2). Я почти не покидаю каюты которую мы согрѣваемъ зажигая спиртъ. Это средство очень укрѣпляющее для бѣдныхъ путешественниковъ, постоянно страдающихъ отъ сырости. Лена дѣйствительно великолѣпна; природа насъ окружающая дика и грандіозна внѣ всякаго описанія. Я думаю что ея оригинальность и есть ея главная прелесть. Повсюду высокіе лѣсистыя горы, крутые утесы. Время отъ времени мы плывемъ мимо прелестныхъ острововъ, настоящихъ рощей среди рѣки. Но общій видъ печаленъ, почти мертвенный, хотя всегда грандіозный и чудный. Вчера особенно, я была поражена выдающеюся красотой пейзажа.

Мнѣ казалось что наше судно быстро скользитъ по прозрачной водѣ готово разбиться объ ужасныя скалы выходящія изъ воды или покрывающія песчаный берегъ направо, тогда какъ гигантскій утесъ или, скорѣе, стѣна возвышалась налѣво. Онъ былъ красный, вооб-

1) Деревня на берегу Лены.

2) Читатель не долженъ забывать что путешественники наши все больше и больше подвигались къ странамъ почти полярнымъ, гдѣ весна начинается не раньше іюня. О Сибири вообще имѣютъ очень ложныя понятія въ Европѣ. Если климатъ тамъ очень суровъ, то за то онъ очень ровенъ и черезъ это необыкновенно здоровъ. Ничего нѣтъ прекраснѣе сибирской весны, ничего нѣтъ блестящѣе ея лѣта. Весна и лѣто въ совокупности больше трехъ съ половиною мѣсяцевъ, много уже четырехъ, не продолжаютъ. Но излишество и богатство растительности такое которое можно только видѣть въ странахъ гораздо болѣе полуденныхъ. Все зеленѣетъ и разцвѣтаетъ въ меньшее время чѣмъ тамъ и переходъ отъ зимы къ лѣту представляется какъ перемѣна декорацій. Всѣ зерновые хлѣба произрастаютъ превосходно и гораздо скорѣе чѣмъ въ Западной и Южной Россіи.

разите себѣ, красный какъ кирпичъ, а самую верхушку его вѣнчалъ зеленый кустъ вѣтвистыхъ деревьевъ; эти деревья какъ бы посаженныя рукою человека прибавляли свѣжесть и живучесть къ его захватывающему и живописному виду. Этотъ пейзажъ, полный дикаго и мрачнаго величія угнетающаго душу, заставилъ меня думать о Богѣ, о вѣчности, о высшей премудрости Создателя, и долго я оставалась неподвижной передъ этою чудною и великолѣпною картиною; никогда ничего подобнаго я не видала. Будьте покойны за меня, мои дорогіе друзья. Разнообразіе впечатлѣній уничтожаетъ мою грусть. Я весела и здорова. Надѣюсь что вы, моя добрая тетюшка, и ты, моя милая сестра, будете мнѣ писать съ каждымъ курьеромъ. Помните что я останусь два долгіе мѣсяца безо всякихъ извѣстій и вообразите мою безмѣрную радость, когда я буду васъ читать прѣхавъ въ Аянъ. Ваши дорогія письма будутъ мнѣ ожидаемою наградою послѣ всѣхъ испытаній ужасной дороги въ Охотскъ которую даже Тунгусы описываютъ какъ адъ. Умоляю васъ, пишите все подробно. Все что идетъ отъ васъ и проходитъ черезъ ваши руки мнѣ дорого и интересно. Какъ себя чувствуетъ мой добрый дядюшка котораго я такъ люблю? Ахъ, какъ хотѣлось бы его расцѣловать! 3) Еслибы вы знали, обожаемый дядя, какъ я васъ люблю! Еслибы вы знали какъ я много думаю о васъ всѣхъ троихъ, мои друзья! Нѣтъ, я не буду продолжать мое мараніе, потому что если буду дольше вами заниматься, то кончу тѣмъ что громко разрыдаюсь. А что скажетъ бѣдный мужъ, увидя меня опять плачущей? Слезы мои ему причиняютъ такъ много горя. Итакъ, прощайте, друзья любимые! Постараюсь меньше думать о васъ. Катя.

На борть. 25-го мая.

Предупреждаю васъ что ничего не имѣю интереснаго сказать вамъ и если пишу сегодня, то единственно изъ-за сильнаго желанія поговорить съ вами и не упустить случая отправить письмо. Мы плывемъ быстро къ сѣверу, оставляя сотни верстъ за собой. Холодъ начинаетъ ощущаться все больше и больше, и я начинаю прибѣгать къ шубѣ. Различіе климата между берегами Лены и Иркутска чрезвычайно ощутительно. Здѣсь ни малѣйшаго признака весны, ни тѣни зелени. Берега покрыты снѣгомъ, волны катятъ огромныя глыбы льда. Мы видимъ ихъ даже на срединѣ рѣки. Природа всегда великолѣпная и величественная становится больше и больше дикою. По мѣрѣ того какъ мы плывемъ внизъ, я знакомлюсь съ жителями этихъ мѣстъ, Тунгусами и Якутами. Изъ нихъ всегда есть нѣсколько между нашими судовщиками. Это очень оригинальныя существа, а типъ ихъ, хотя очень безобразный, мнѣ нравится больше типа Бурятъ изъ окрестностей Иркутска. Мужъ мой чтобы развеселить меня заставляетъ ихъ пѣть и плясать на палубѣ нашего маленькаго судна или на берегу, когда мы останавливаемся на часъ или на два. Они соглашались очень охотно особенно послѣ знаменательныхъ словъ: „барыня дастъ гривенникъ“. Сегодня утромъ на лужайкѣ густаго лѣса, мимо

3) Г-жа Невельская больше не увидѣла его, онъ умеръ въ 1854 г.

котораго мы плыли, я замѣтила на берегу жилища; мнѣ сказали что это якутская деревня. Такъ какъ мнѣ очень интересно было ее видѣть, то мой мужъ велѣлъ остановить судно. Мы сошли съ него, мой мужъ, горничная и я нагруженные бѣлымъ хлѣбомъ и орѣхами, чтобы лучше угостить женщинъ и дѣтей изъ которыхъ при нашемъ появленіи образовалась толпа. Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по направленію къ деревнѣ какъ намъ встрѣтились двѣ маленькія дѣвочки шести и семи лѣтъ. Одна изъ нихъ была восхитительна и, несмотря на грязь ее покрывавшую, необыкновенно хороша и мила; но другая, бѣдное, несчастное дитя, поселила во мнѣ такое отвращеніе, такой ужасъ что я сейчасъ же повернула назадъ съ твердымъ намѣреніемъ не проникать въ жилища этихъ дикихъ. Все лицо этого несчастнаго существа было покрыто отвратительными ранами ⁴⁾, дѣлавшимися еще ужаснѣе отъ полнѣйшей неопрятности. Моя горничная которая имѣла мужество туда проникнуть возвратилась вся взволнованная, говоря что въ юртѣ (такъ называютъ эти жилища), куда она вошла, все семейство было покрыто этими страшными язвами и представляло зрѣлище въ одно время ужасное и достойное жалости. Намъ остается около шести сотъ верстъ до Якутска, гдѣ мы, вѣроятно, будемъ черезъ три дня. На Ленѣ сегодня волненіе, и я чувствую себя несовсѣмъ хорошо. Вѣтеръ намъ противный и наше судно кидаетъ изъ стороны въ сторону. Прощайте, мои дорогие друзья. *Катя.*

На борту, 28-го мая.

Мы провели очень скверную ночь, мои добрые друзья. Проливной дождикъ продолжался до утра. Сейчасъ погода разъяснилась, и мой мужъ легъ отдохнуть отъ усталости. Что до меня касается, я хотѣла то же сдѣлать, но не могла сомкнуть глаза. Мои мысли и сердце летѣли къ вамъ, и тотчасъ же сонъ разсѣялся чтобы дать мѣсто непреодолимому желанію поговорить съ вами, увѣ! хотя бы письменно.

Я теперь гораздо менѣе печальна, и моя веселость начинаетъ напоминать Иркутскую. Я говорю это почти въ каждомъ письмѣ, зная ко мнѣ вашу привязанность и заботы дяди на этотъ счетъ, а потому спѣшу успокоить васъ на счетъ состоянія моего духа. Ваша Катя счастлива и привязывается больше и больше къ благородному другу ее избравшему. Клянусь вамъ что опасности такого необыкновеннаго путешествія меня нисколько не пугаютъ. Если разлука наша еще заставляетъ меня много страдать, то мой мужъ всегда находитъ средство успокоить и разсѣять меня. Онъ такой благородный, такой совершенный, такой мужественный, имѣетъ обо мнѣ самое нѣжное попеченіе, питая вмѣстѣ съ этимъ глубокую ко мнѣ привязанность. Ему всегда удается возстановить въ моемъ умѣ и душѣ спокойствіе, и я становлюсь снова рѣзва и весела, заставляя громко хохотать этого серьезнаго г-на Невельскаго надъ тысячею шалостей приходящихъ мнѣ въ голову. На колѣнахъ благодарю Господа Бога давашаго мнѣ покровителемъ этого чуднаго человѣка,

⁴⁾ Проказа.

нѣжность котораго ко мнѣ составляетъ мою гордость и будетъ самою твердою поддержкой въ тѣхъ испытаніяхъ которыя можетъ быть для меня наступать...

Мы пристали въ полдень къ жалкому маленькому городку Алекна. Время было прекрасное и дорога до слѣдующей станціи казалась легкой, мой мужъ предложилъ мнѣ сдѣлать ее верхомъ на лошади чтобы немного отдохнуть отъ скуки рѣчнаго путешествія. Пока сдѣлали намъ лошадей, я вошла въ одинъ домъ чтобы надѣть свою амазонку. Старикъ-купецъ которому этотъ домъ принадлежалъ принялъ насъ съ радостію и радушіемъ. Дворъ въ одну минуту наполнился народомъ; сбѣгались со всѣхъ сторонъ чтобы присутствовать при необыкновенномъ зрѣлищѣ видѣть даму верхомъ, проѣзжающую по улицамъ Алекны. Съ раскрытыми ртами смотрѣла толпа какъ я садилась на лошадь, давая ей это представленіе съ невозмутимою важностію. Послѣ этого продолжая казаться величественно-равнодушной я пустила моего Буцефала въ галопъ, и черезъ нѣсколько мгновеній прекрасный городъ Алекна остался далеко за нами. Однако, дожди послѣднихъ дней такъ разгрязнили дорогу что мы не могли сдѣлать больше десяти верстъ, и къ моей великой досадѣ должны были возвратиться на судно.

Вотъ уже двѣ недѣли какъ мы плывемъ. Вчера вѣтеръ дулъ съ такою силой что я на волнующейся и грозной Ленѣ чувствовала себя очень нехорошо. Выйдя изъ терпѣнія, я попросила моего мужа позволить сойти на землю чтобы немного походить. Онъ захотѣлъ мнѣ сопутствовать и мы прошли остающіяся до станціи пять верстъ пѣшкомъ.

Во время пути я раздавала хлѣбъ дѣтямъ Якутовъ которые попадались намъ на дорогѣ. Вообразите себѣ, эти бѣдные люди нуждаются во всемъ этотъ годъ и бываютъ принуждены иногда питаться древесною корой. Это ужасно! Здѣсь, въ этихъ мѣстностяхъ страшная бѣдность и нельзя не сострадать этой нищетѣ въ которой эти несчастные дикіе проводятъ свое горькое существованіе.

Лакей моего мужа заставляетъ насъ много смѣяться. Онъ себя произвелъ въ помощники командира и съ важнымъ видомъ величается. Смѣшныя приказанія имъ иногда отдаваемые и обрачки которыхъ часто до насъ доходятъ необыкновенно насъ потѣшаютъ. Что касается до Дуняши, моей горничной, мы въ ней открыли очень желательный для насъ талантъ кухарки, такъ какъ мы были немного въ затрудненіи забывъ взять съ собой хотя какого-нибудь плохаго повара.

Якутскъ, 31-го мая 1851 г.

Вотъ уже три дня какъ мы въ Якутскѣ. До сихъ поръ я не могла найти минуты для продолженія письма начатаго еще на лодкѣ. Намъ приготовили прекрасное и обширное помѣщеніе въ домѣ здѣшняго богатаго купца. Я сейчасъ же съ нимъ познакомилась, а также съ его женой и двумя дочерьми. Добродушная купчиха выглядит оригинальною маленькою старушкой. Въ первый свой пріѣздъ въ Якутскъ мой мужъ также у нихъ останавливался, и она почувство-

вала къ нему большую любовь, не называя его иначе какъ своимъ милымъ внучкомъ.

Она была въ восторгѣ узнавъ объ его женитьбѣ, и почтеніе которое я ей оказываю по причинамъ ея престарѣлыхъ лѣтъ, кажется, ей очень нравится и льститъ. Посмотрѣвъ на меня очень внимательно, она объявила моему мужу что мы похожи другъ на друга какъ братъ съ сестрой и что это вѣрное доказательство что мы были созданы другъ для друга⁵⁾.

Въ Якутскѣ пронесся слухъ что мой мужъ будетъ назначенъ начальникомъ этой области. Этому кажется вѣрятъ, такъ какъ всѣ видныя дамы этого города спѣшатъ со мной познакомиться и хоромъ завѣряютъ меня что онѣ были бы въ восторгѣ отъ этого. Что же касается до меня, я была поражена такимъ ужасомъ при мысли о возможности этого что ничего не находила сказать въ отвѣтъ и благодарить за такую ихъ любезность, едва имѣя силы удержаться отъ восклицанія которое жгло мои губы: „Сохрани меня, Боже!“

Мы теперь очень заняты приготовленіями къ долгому и опасному пути предстоящему намъ къ Аяну. Тысяча верстъ на лошади по этой легендарной Охотской дорогѣ о которой со всѣхъ сторонъ мы слышимъ ужасные разказы. Надо время и особенно воображеніе чтобы предотвратить ожидающія насъ трудности. Сегодня воспользовались свободною минутой чтобы отдать визитъ одной изъ важныхъ дамъ въ Якутскѣ. Она приняла насъ съ большимъ радушіемъ, усадивъ сейчасъ же меня на почетное мѣсто, диванъ въ гостиной, и исчезла не сказавъ ни слова, оставя насъ съ мужемъ удивляться этой странной манерѣ обходиться со своими гостями. По прошествіи довольно долгаго времени она возвращается сопровождаемая лакеемъ несущимъ огромный подносъ наполненный вареньемъ, конфетами, орѣхами и тому подобными сладостями. Потомъ принесли кофе и разнаго сорта вина. Хозяйка дома ничего не говорила, она только насъ угощала, заставляя ѣсть безъ отдыха. Поэтому можете себя вообразить какъ было весело. Я сейчасъ видѣла сѣдло которое будетъ служить въ моемъ путешествіи. Оно нисколько не похоже на обыкновенныя дамскія сѣдла, совершенно здѣсь не нужны. Въмѣсто стремени оно имѣетъ дощечку на которую упираются обѣ ноги и задокъ для отдыха спины, изображая такимъ образомъ очень удобное кресло.

Г-нъ Корсаковъ⁶⁾, узнавъ о женитьбѣ моего мужа и о моемъ намѣреніи сопровождать его въ Петровскъ, проѣздомъ черезъ Якутскъ заказалъ для меня особеннаго рода практичный гамакъ. Эти гамаки, употребляемые въ этихъ ужасныхъ путешествіяхъ здѣшними женщинами, весьма разнятся отъ тѣхъ которые извѣстны въ Европѣ. Ихъ дѣлаютъ изъ грубаго полотна и прикрѣпляютъ съ обѣ-

⁵⁾ Это было дѣйствительно ложное представленіе старой женщины. Г-жа Невельская никакъ не могла быть похожа на своего мужа, не только не красиваго собой, выключая его темныхъ глазъ и смѣлаго, и умнаго взгляда, но и типъ лица его былъ совсѣмъ другой. Что же касается до г-жи Невельской, она со своимъ лицомъ Мадонны была изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ своего времени.

⁶⁾ Впослѣдствіи главный правитель Восточной Сибири, тогда же бывшій въ штабѣ Муравьева.

ихъ сторонъ къ деревяннымъ подпоркамъ которыя кладутъ на спины двухъ лошадей; этотъ родъ люльки съ матрасомъ въ ней, оставаясь подвѣшаннымъ между ними, представляетъ собой очень удобную постель. Мой мужъ купилъ мнѣ прекрасное мѣховое одѣяло для защиты ногъ. Такимъ образомъ, растянувшись въ моемъ гамакѣ, мнѣ не будетъ холодно и можно будетъ во время моего нескончаемаго путешествія не только спать, но и читать. Какъ видите дѣлаютъ все человѣчески возможное чтобы облегчить трудности этой невообразимой дороги, и мой мужъ не знаетъ чтобы придумать еще чтобы сдѣлать ее сносною.

1-го іюля.

Мы возвращаемся съ обѣда воинскаго начальника этой провинціи, посѣщеніе котораго было невозможно избѣжать. Еслибы вы знали, добрая тетюшка, какъ г-жа *** скучна и какъ долго показалось мнѣ время. Этотъ обѣдъ продолжался три часа. При каждомъ новомъ блюдѣ хозяйка дома повторяла свои просьбы: „Пожалуйста, я васъ прошу, возьмите еще, какъ вы мало кушаете, еще одинъ маленькій кусочекъ“ и проч., заставляя вспоминать знаменитую басню Крылова, возбуждая мои симпатіи къ бѣдному человѣку замученному угощеніемъ. Г-жа *** имѣетъ семнадцатилѣтнюю дочь. Я съ ней обращалась съ серіозностію замужней женщины, разговаривавшей съ очень молоденькою дѣвушкой, по примѣру пожилыхъ особъ употреблявшихъ такъ еще недавно то же самое со мной. Еслибы вы знали, мои добрые друзья, какъ заставляютъ меня внутренно смѣяться эти почести и вниманіе которыми меня осыпаютъ. Ко мнѣ относятся серіозно, и я очень сожалѣю что вы не можете видѣть меня возсѣдающей по правую руку хозяйки, и всѣ приглашенные какъ и она сама обращаются съ почтеніемъ ко мнѣ. Клянусь что въ эти минуты я очень далека отъ иркутской шалуньи; сохраняя достоинство, я чувствую себя совершенно въ своей тарелкѣ разговаривая о хозяйствѣ съ пятидесятилѣтними дамами. Ахъ! еслибы вы могли меня видѣть!

Все готово и мы отправляемся завтра рано утромъ. Сверхъ особенно для меня приготовленнаго сѣдла мой мужъ купилъ еще мужское сѣдло. Я выхожу изъ себя и чтобы тамъ ни говорили, никогда его не употреблю. Вы знаете, я привыкла ѣздить на лошади и очень тверда въ сѣдлѣ, потому надѣюсь устроиться не прибѣгая къ этой неприятной крайности. Я примѣрила свой мужской костюмъ который ко мнѣ очень идетъ, прошу этому вѣрить. За то моя Дуняша въ своемъ мужскомъ платьѣ представляетъ изъ себя очень печальную фигуру. Вчера я хохотала какъ сумашедшая, увидя ее въ этомъ одѣяніи. Впрочемъ, зная ее, вы можете легко себя представить кавалеромъ эту толстуху съ ея короткою таліей и совсѣмъ круглымъ лицомъ. Вотъ очень длинное письмо, но мнѣ доставляетъ такое удовольствіе говорить съ вами что я могла бы наполнить безчисленное множество страницъ всѣмъ, о чемъ хотѣлось бы мнѣ вамъ сказать. Это послѣднее письмо которое вы получите отъ меня до отправки вашей въ Европу. Да благословитъ Господь ваше путешествіе! Веселитесь! Пользуйтесь жизнію и думайте больше о вашей Катѣ.

Станція Алатырь, 180 верстъ отъ Якутска,
6-го іюня 1851 г.

Мы встрѣтили на дорогѣ казака ѣдущаго въ Якутскъ, и я не хочу упустить случая дать вамъ вѣсточку о нашемъ путешествіи. Успокойтесь же! Ваша Катя проѣхала эти первые этапы безъ особенной усталости. Нашъ караванъ дѣлаетъ хорошее впечатлѣніе: до пятидесяти лошадей везущихъ однѣ багажъ, другія живописно одѣтыхъ спутниковъ; конвой казаковъ изъ которыхъ двое говорятъ на всѣхъ туземныхъ нарѣчіяхъ и служатъ намъ переводчиками; двѣнадцатъ Якутовъ для услугъ, два лакея и моя горничная. Мы веземъ между прочимъ обыкновеннымъ багажомъ кровати, кухонную посуду, провизію, палатки, эти послѣднія должны служить намъ служить убѣжищемъ въ продолженіе трехъ недѣль, потому что не только будетъ непріятно провести ночь въ зловонныхъ якутскихъ юртахъ, но и эти попадаются очень рѣдко на этой пустынной дорогѣ. Я часто лежу растянувшись въ моемъ гамакѣ, и больше изъ желанія чѣмъ по необходимости дѣлаю утромъ и вечеромъ по пятнадцати верстъ на лошади. Въ это время мой мужъ помѣщается въ моей люлкѣ и сейчасъ же засыпаетъ. Еслибы была возможность сдѣлать такъ всю эту тысячу верстъ, путешествіе это показалось бы мнѣ даже пріятнымъ. Къ несчастію, чѣмъ дальше подвигаешься, тѣмъ больше, говорятъ, дороги дѣлаются непроходимыми, и несмотря на всѣ наши предосторожности, намъ предстоитъ перенести много трудностей. Мы должны страдать отъ комаровъ, настоящаго бича этихъ странъ, отравляющихъ первыя недѣли забайкальскаго лѣта. Наши маски приготовлены и при первомъ нападеніи мы должны будемъ ими прикрыться; въ нихъ входись какъ въ мѣшокъ; полотняныя повязки предохраняють шею и затылокъ. Погода большею частію стоитъ хорошая, а мой непромокаемый плащъ достаточенъ для меня во время дождя. Я ужасно скверно пишу, но еслибы вы видѣли на чемъ! Это по срединѣ грязной юрты, почти темной, на трясушемся и ломаномъ столѣ. Кругомъ меня одни Якуты; я слышу только ихъ разговоръ звучащій очень дико для моего европейскаго слуха. Женщины смотрятъ съ удивленіемъ; что же касается до меня, я нахожу ихъ удивительно типичными въ ихъ одѣяніи изъ собачьей кожи, съ ихъ странными лицами, такъ отличающимися отъ тѣхъ къ которымъ я привыкла. Есть между ними очень выразительныя фізіономіи и даже красивыя. Но неряшество ихъ отталкивающее. Всѣ уже въ сѣдлахъ и меня ждуть, мои добрые друзья. Прощайте. Мой мужъ выходитъ изъ терпѣнія, надо ѣхать! Тысячу ласкъ! Молитесь за меня. Катринъ.

Станція Алашъ-Юнь.

Мы сдѣлали половину нашего пути. Все идетъ хорошо, слава Богу, несмотря на всѣ ужасы этой страшной дороги. Вы знаете, была ли я приготовлена ко встрѣчѣ препятствій и затрудненій. Но дѣйствительность превзошла все что мое воображеніе могло изобрѣсти. Никогда я не могла вообразить о существованіи подобныхъ дорогъ. То эти болота въ которыя погружаешься, дѣвственные лѣса

гдѣ подвигаешься съ трудомъ, то крутыя скалы черезъ которыя, не смотря на головокруженіе, надо переправляться, или страшно быстрыя рѣки которыя переѣзжаютъ бродомъ или влать. Природа дика, но превосходна. Видно что рука человѣческая тутъ не прикасалась и не трудилась сдѣлать хотя бы сносными эти пути сообщенія. Однако же мы переѣзжали грубые и примитивные мосты переброшенные вѣроятно какими-нибудь Тунгусами; но переѣздъ черезъ нихъ грозитъ страшною опасностію. Въ нихъ громадныя отверстія, и висятъ надъ пропастями или ручьями, они представляютъ большую опасность: лошадь должна перескакивать черезъ эти зіяющія пропасти заставляющія путника содрогаться. Надо видѣть эти дороги и пройти черезъ всѣ эти сюрпризы чтобы хорошо постигнуть переживаемые ужасы. Я, впрочемъ, не прихожу въ уныніе и предпочитаю мой гамакъ сѣдлу. Несмотря на все то что мнѣ говорили въ Якутскѣ, гдѣ думали что онъ мнѣ будетъ бесполезенъ, я нахожу что гораздо менѣе опасности въ лежачемъ положеніи чѣмъ въ сѣдлѣ. Я могу тогда легко потерять равновѣсіе отъ охватывающаго меня головокруженія, когда я вижу пропасти сквозь отверстія мостовъ или съ высоты отвѣсныхъ горъ. Я дѣлаю на лошади до тридцати верстъ въ день и до сихъ поръ не прибѣгала еще къ мужскому сѣдлу. Мой мужъ также убѣдился что для такого необыкновеннаго путешествія, когда испытываешь такую ужасную усталость, дамское сѣдло гораздо пріятнѣе. Онъ начинаетъ предпочитать его своему и время отъ времени имъ пользуется. Можетъ быть, это нѣсколько смѣшно, но для насъ, вы понимаете, это безразлично. Здѣсь, въ этихъ архидикихъ странахъ потеряли всѣ кокетничанія, и обычаи цивилизованнаго міра совсѣмъ не въ употребленіи, особенно послѣ двухнедѣльной ѣзды верхомъ по адекимъ дорогамъ, о которыхъ тамъ къ счастью не имѣютъ никакого понятія, когда разбиты душевными волненіями и усталостію.

Ахъ! черезъ что мы проѣзжаемъ! Несмотря на добрую волю, мнѣ случается иногда ослабѣвать и роптать. Особенно одинъ разъ мы должны были переправляться влать черезъ очень глубокія и очень быстрыя рѣки; разразилась страшная гроза, молнія ослѣпляла насъ; удары грома, повторяемые всѣми эхами громадныхъ горъ Яблоновой цѣпи которыя мы тогда проѣзжали, заставляли нашихъ лошадей дрожать и подниматься на дыбы. Проливной дождикъ затоплялъ насъ. Она текла, непрерывно текла эта ледяная вода, обливая мои руки, ноги, лицо. Путь по которому мы слѣдовали былъ опаснѣе чѣмъ когда-либо. Мы проѣзжали то по плоскимъ возвышенностямъ и ледникамъ, гдѣ погружались въ снѣгъ, то карабкались на верхушки горъ, пробираясь по ея бесплодной сторонѣ по узкой и размытой дорогѣ, загроможденной огромными кучами каменьевъ. Испуганная, иззябшая, я дождалась съ горькимъ нетерпѣніемъ минуты, когда намъ можно будетъ остановиться. Къ несчастію, прошло еще много времени, прежде чѣмъ было открыто надежное убѣжище. Нашли, наконецъ, углубленіе подъ сводомъ образовавшимся изъ отвѣсныхъ скалъ. Тутъ сейчасъ разбили наскоро палатку, и это печальное убѣжище, когда передъ яркимъ огнемъ я обогрѣвалась и обсушивала платье, показалось мнѣ раемъ.

Съ какимъ наслажденіемъ послѣ этихъ часовъ ужаса и усталости я растянулась на своей походной кровати! Утромъ я встала спокойная и веселая; вчерашній ужасный день былъ не что иное какъ сонъ. Солнце ярко блистало, освѣщая великолѣпный пейзажъ и своимъ радостнымъ блескомъ уничтожило всѣ плачевныя впечатлѣнія вчерашняго дня. И такъ-то мы подвигаемся, мои добрые друзья. *Катя.*

Охотскъ, 28-го іюля 1851 г.

Еслибы вы знали какъ я счастлива пріѣхавъ наконецъ, въ Охотскъ. Несмотря на всѣ предосторожности и старанія смягчить трудности этого ужаснаго путешествія, я очень пострадала и послѣдствія были самая прискорбныя. Увы! послѣ послѣднихъ извѣстій посланныхъ вамъ изъ Алахъ-Юнь, я была очень больна, страдая ужасно и не понимая что со мной.

Путешествіе стало пыткой; случалось что я садилась на край дороги, не имѣя мужества ни влѣзть на лошадь, ни растянуться въ моемъ гамакѣ. Я замѣтно ослабѣвала. Мы подвигались шагомъ и такъ дотасились не доѣзжая 10 верстъ до Охотска, гдѣ я упала на сырую траву чувствуя что у меня захватило дыханіе и катаюсь по ней отъ невыносимыхъ страданій, невозможныхъ описать.

Наконецъ, придумали сдѣлать изъ моего гамака носилки, куда меня и положили; тихонько 6 человѣкъ со всевозможными предосторожностями подняли меня и такимъ образомъ, предшествуемые 2 казаками чтобы предупредить доктора, мы ночью достигли Охотска. Нашъ печальный кортежъ взшелъ въ уснувшій уже городъ и остановился передъ приготовленнымъ для насъ домомъ, и меня внесли туда умирающей.

О, какъ я рыдала, какъ я проклинала эту ужасную дорогу которой опасности, ужасы и страшное утомленіе лишили меня самой сладкой надежды! Моя добрая тетушка, вы которая имѣете материнское сердце, не правда ли, вы поймете мою великую горестъ? Ахъ! надо было всю любовь и всѣ трогательныя заботы моего мужа чтобы заставить меня покориться этому несчастію. Я еще очень слаба и больше не могу писать. Прощайте! Я должна снова лечь. *Катя.*

Охотскъ.

Мой мужъ очень озабоченъ. Онъ еще не рѣшился на какой мы сядемъ корабль чтобы ѣхать въ Аянъ.

Кромѣ того, онъ долженъ выбрать изъ гарнизона п Охотскаго порта до пятидесяти матросовъ и казаковъ. Они будутъ съ ихъ семействами сопровождать насъ въ Петровскъ. Такъ какъ моему мужу хочется выбрать самыхъ лучшихъ между этими бравыми людьми, то задача не такъ легка. Кромѣ способности солдата и моряка они должны быть уже испытанными людьми. Мы отправляемся въ пустыню населенную дикими, не способными намъ помогать. И такъ,

все согласить и предусмотрѣть не очень легкая задача. Надо подумать о столькихъ вещахъ и приготовиться ко всякимъ случайностямъ. Мой мужъ самъ все заказываетъ и осматриваетъ до столярныхъ инструментовъ. На немъ лежатъ тягостная отвѣтственность и огромныя обязанности. Онъ думаетъ объ этомъ днемъ и ночью и эти мысли лишили его аппетита и сна. Онъ поглащенъ одною заботой ничего не упустить, ничѣмъ не пренебречь для нуждъ колоніи и для благосостоянія и здоровья всѣхъ тѣхъ которые должны съ нимъ отправиться въ неизслѣдованныя еще страны устья рѣки Амура. Никто не ошибся въ Невельскомъ, мои добрые друзья. Это человѣкъ большаго ума, благороднаго характера и непоколебимой воли. Я горжусь его именемъ. Еслибъ вы видѣли его отчаяніе во время моей болѣзни! Онъ не могъ себѣ простить что не оставилъ меня на ваши нѣжныя попеченія и позволилъ мнѣ сопровождать его въ Петровскъ. Этотъ человѣкъ такой энергичный и мужественный плакалъ какъ ребенокъ при видѣ моихъ страданій. Я заставила его молчать и не говорить вздоръ. Какъ! я отпустила бы его одного, пренебрегая въ началѣ моего замужества своими обязанностями и совершая такой недостойный и низкій поступокъ! О, друзья мои, могла ли бы я, не краснѣя отъ стыда, отправить такого благороднаго и великаго человѣка, предоставивъ его одного опасностямъ и испытаніямъ его мисіи, а самой въ то время, какъ онъ будетъ ихъ переносить, сидѣть спокойно у домашняго очага. А потомъ, о, низость! когда онъ превозмогъ всѣ трудности и страданія, я бы возвратилась къ нему въ то время, когда онъ могъ бы мнѣ доставить пріятную и легкую жизнь! Никогда, никогда не сдѣлаю я такого низкаго и жестокаго поступка! Я увѣрена что черезъ это ужасное путешествіе и въ продолженіе тѣхъ мрачныхъ годовъ, горечь которыхъ вмѣстѣ съ нимъ раздѣлимъ, я докажу ему какъ я благоговѣю передъ нимъ, какъ понимаю его рѣшаясь терпѣть съ нимъ, поддерживать и утѣшать его всегда, становясь черезъ это дороже и драгоцѣннѣе для него.

Еще нѣсколько словъ, мои дорогіе друзья! Мы сядемъ на судно „Байкаль“. Не правда ли, странно что первый корабль увидѣнный мною именно тотъ которымъ командовалъ мой мужъ во время его знаменитыхъ открытій. Если будетъ благоприятствовать намъ вѣтеръ, то завтра мы надѣемся выѣхать. Благодаря моей молодости, но еще болѣе, какъ говоритъ докторъ, моему особенно здоровому сложенію, случай со мною не имѣлъ дурныхъ послѣдствій и здоровье мое совершенно поправилось. Въ Охотскѣ я сдѣлала нѣсколько покупокъ, между прочимъ, прелестную мебель для небольшой гостиной, оставленную здѣсь однимъ иностраннымъ кораблемъ, никогда ее больше не потребовавшимъ. Я ее купила за очень скромную цѣну въ сравненіи съ страшною дороговизной этого захолустнаго края. Къ несчастію намъ было невозможно достать рояль. Тѣ которые въ Охотскѣ существуютъ не продаются и случаи купить его очень рѣдки. Это очень грустно для меня. Рояль была бы большимъ наслажденіемъ въ нашемъ ледяномъ уединеніи. Я думаю что здѣсь задались мыслию совсѣмъ насъ ограбить, пользуясь нашимъ невѣдѣніемъ охотскихъ цѣнъ. Такъ, напримѣръ, насъ заставляютъ платить по пятнадцати копѣекъ за свѣжее яйцо!! Не правда ли, ужасно? Это дастъ вамъ

понятіе объ остальномъ. Прощайте, мои добрые друзья! Я буду вамъ писать какъ только пристанемъ къ Аяну. Это небольшой портъ русско-американской компаніи, которымъ она владѣтъ въ Охотскомъ морѣ. Нѣжно цѣлую васъ ваша *Катя*.

Петровскъ, 24-го іюля 1851 г.

Наконецъ, я въ Петровскѣ, мои дорогіе друзья! Но еслибы вы знали что мы испытали прежде чѣмъ сошли на землю и поселились въ единственной избушкѣ выстроенной на берегу Охотскаго моря, въ ста верстахъ отъ устья рѣки Амура, гдѣ мало-по-малу мы завладѣемъ окончательно этою мѣстностію! Какъ вамъ извѣстно, правительство запретило моему мужу дѣйствовать рѣшительно и не допускаетъ занятія этого пункта, такого необходимаго для Россіи. Однако же мой мужъ рѣшился идти противъ этого запрещенія. Онъ хочетъ предпринять новую серію изысканій и изслѣдованій и положилъ себѣ укрѣпить Николаевскъ, основывая на берегу рѣки Амура посты такъ далеко во внутрь страны, насколько это, по его взгляду, необходимо. До отъѣзда своего въ Петербургъ въ прошломъ году онъ оставилъ лейтенанту Орлову свои инструкціи. Этотъ офицеръ со своимъ семействомъ и двадцатью человѣками казаковъ и матросовъ пробылъ цѣлую зиму въ Петровскѣ. Осенью и весною они наскоро къ нашему пріѣзду построили: казарму, домъ (то-есть, надо понимать жалкую избушку) для начальника экспедиціи, русскую баню и громадный сарай для склада провизіи. Мы пробыли четыре дня въ Аянѣ. Тамъ царствовало большое безпокойство и мужъ мучился больше всѣхъ. Бригъ „Охотскъ“, зимовавшій въ Петровскѣ и служившій защитой нашихъ колоній противъ Гиляковъ на случай ихъ бунта, вмѣсто того чтобы прибыть въ началѣ іюля за нами въ Аянъ, какъ это было предписано моимъ мужемъ командиру и по его инструкціямъ господину Орлову, не показался въ Аянъ, гдѣ были въ совершенномъ невѣдѣніи объ его участи. Это было важно, тѣмъ болѣе что между Аяномъ и Якутскомъ носились слухи что Русскіе были перебиты дикими. Сначала люди свѣдущіе не придавали этому вѣры, но когда послѣ долгаго ожиданія бригъ не показался въ Аянъ, зловѣщіе слухи казались правдоподобными. Волненіе и ужасъ при нашемъ пріѣздѣ были причинены этимъ опозданіемъ. Невозможно описать какъ мой мужъ былъ этимъ взволнованъ и убитъ. Онъ клялся что если дѣйствительно наши несчастные братья были истреблены, онъ имъ жестоко отомститъ и докажетъ этимъ чудовищамъ что безнаказанно трогать Русскаго нельзя! „Мою собственна жизнью я охотно принесу въ жертву чтобы наказать этихъ дикихъ животныхъ и сохранить для родины мною выбранные для нея пункты. Эта мѣстность должна быть русской, она русская и останется русской!“ вскричалъ онъ, топая ногами весь блѣдный и со сверкающими отъ гнѣва и горя глазами. Видя вокругъ меня воинственные приготовления и рѣшительный видъ моего мужа, я чувствовала себя горлой и способной презирать опасности около этого мужественнаго человѣка. Я восхищалась имъ, я въ эти минуты боготворила его. Онъ казался мнѣ

такимъ великимъ, думая обо всемъ, предусматривая все и никого и ничего не боясь. Однако же я не хочу показаться вамъ, мои милые, болѣе отважной чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и минутами меня леденить ужасъ, и я трепетала при мысли о томъ что можетъ быть, насъ ожидаетъ. Во время гнетущей его тоски и неизвѣстности мой мужъ хотѣлъ оставить меня въ Аянѣ. Но это было бы невозможно, мои друзья, не правда ли? Я была бы самая низкая женщина, оставшись спокойно въ безопасности, когда мой мужъ сражаясь за свою и за честь родины, рисковалъ бы своею жизнью. Борьба между нами длилась часами, но я вышла побѣдительницей слѣдуя за нимъ до конца.

У пристани Аяна стояло судно русско-американской компаніи „Шелеховъ“. Они взяли для американскихъ колоній подрядъ доставки муки и ждали приказанія къ отплытію. Составился совѣтъ между моимъ мужемъ, начальникомъ порта и командиромъ „Шелехова“. Въ виду важности обстоятельствъ рѣшили чтобы это судно насъ сопровождало для того чтобы наша маленькая кучка съ прибавленіемъ людей и огнестрѣльныхъ орудій имѣла болѣе угрожающій видъ. При нашемъ отъѣздѣ мой мужъ опять повторилъ неотступныя свои ко мнѣ просьбы.

14-го іюля вечеромъ „Байкаль“ и „Шелеховъ“ подняли якорь и поставили паруса по попутному вѣтру. Мы шли быстро, земля скоро исчезла изъ вида, и море окружило насъ со всѣхъ сторонъ. Мы были на бортѣ „Шелехова“, такъ какъ его каюты больше и удобнѣе „Байкала“. Ужасная морская болѣзнь, какъ обыкновенно, приняла меня едва мы взшли на судно.

18-го вѣтеръ былъ не такъ силенъ, но за то густой туманъ со всѣхъ сторонъ окружалъ насъ. Мы были всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Петровска, но изъ предосторожности бросили якорь. Къ утру небо очистилось и погода сдѣлалась хорошей, оба судна продолжали свой путь, но вдругъ „Байкаль“ сѣлъ на мель. Былъ морской отливъ, освободиться не было возможности, и онъ остался неподвижнымъ. Мой мужъ былъ въ отчаяніи, такъ какъ судно было въ довольно большой опасности. Кромѣ того, мы могли сдѣлать дурную встрѣчу и „Байкаль“ не былъ бы въ состояніи придти къ намъ на помощь.

Мой мужъ приказалъ „Шелехову“ придвигаться къ судну, сильно вѣзавшемуся близъ подводнаго камня, разбиваемый волнами онъ былъ въ большой опасности. Сдѣлали три пушечные выстрѣла чтобы предупредить нашу колонію и, наконецъ, зная, чего держаться по отношенію къ ней. Еслибы все было въ порядкѣ, вѣроятно, сейчасъ бы отвѣтили на нашъ сигналъ. Но ни малѣйшій звукъ не прервалъ ужасающаго молчанія. Тогда участь нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ казалась намъ такою какъ описывали ее въ Аянѣ. Въ зрительную трубу на довольно ясно обозначавшемся берегу можно было различить неопредѣленные очертанія строеній. Моему мужу очень хотѣлось отправить туда лодку съ нѣсколькими вооруженными людьми, узнать, что тамъ такое, но положеніе „Байкала“ требовало немедленной помощи и соединенныхъ усилій всего экипажа. Мы медленно подвигались. Мой мужъ былъ нѣкоторое время на палубѣ, и вдругъ я услышала его сбѣгающимъ съ лѣстницы и бросившимся къ кругу офицеровъ, гдѣ большая часть изъ нихъ находилась въ

это время, крича имъ тревожнымъ голосомъ: „Господа, взойдите всѣ сколько васъ тутъ есть“. Ему мгновенно повиновались. Я послѣдовала за ними, но едва поднялась до верха лѣстницы, какъ увидѣла одного офицера совсѣмъ блѣднаго, одежда въ беспорядкѣ, который остановилъ меня закричавъ: „Спуститесь внизъ, Екатерина Ивановна, ради Бога, спуститесь“. Можете себѣ представить въ какомъ я была состояніи войдя въ каюту. Меня мучили ужасы страшной неизвѣстности. Зная ожиданія быть атакованными дикими, я думала что на верху должна произойти битва и, бросившись на колѣна, просила Господа помочь намъ, умоляя пощадить жизнь и кровь моего мужа и тѣхъ которые будутъ сражаться за честь родины. Въ эту минуту показался мой мужъ. Зная какъ я должна была страдать, онъ, несмотря на свое душевное безпокойство, оторвался на одну минуту съ палубы. Я бросилась къ нему, схвативъ его за руку и спрашивая его задыхающимся голосомъ о причинѣ криковъ и шума отъ которыхъ дрожало судно. Тогда съ ужасающимъ спокойствіемъ онъ мнѣ сказалъ: „оказалась течь въ трюмѣ и опасность велика“. „Но мы должны умереть!“ шепнула я едва слышно. „Я не знаю, возразилъ онъ, по крайней мѣрѣ мы сдѣлаемъ все что человѣчески возможно... Господь полонъ милосердія. Возложимъ нашу надежду на Его одного“. И онъ поспѣшно поднялся наверхъ.

Вы, можетъ быть, усумнитесь, мои милые, но однако же, клянусь вамъ, это было такъ я вдругъ сдѣлалась покойна. Если мое сердце билось такъ какъ будто хотѣло разорваться, разсудокъ былъ ясенъ и хладнокровіе возвратилось. Я сказала себѣ что надо быть готовой въ ту минуту, когда меня позовутъ сѣсть въ шлюпку. Я одѣлась очень тепло и сдѣлала свертокъ изъ денегъ, вещей, бумагъ, всего что у насъ было болѣе дорогаго, захвативъ также съ письменнаго стола моего мужа часы и другія цѣнныя вещи; взявъ свертокъ въ руки, сѣла на складную табуретку и стала ждать. Я не могла ни плакать, ни роптать и какъ бы окаменѣла. Прошло нѣсколько минутъ, и мой мужъ вновь сошелъ ко мнѣ. Его лицо было менѣе блѣдно и тревожно. „Слава Богу! сказалъ онъ, мы почти увѣрены что будемъ спасены. Море здѣсь не имѣетъ такой глубины какъ раньше и мы маневрируемъ чтобы посадить судно на мель, въ чемъ помогаетъ намъ и попутный вѣтеръ. Если мы окончательно не уничтожили напоръ воды, то все же она проникаетъ въ трюмъ съ меньшею силой и угрожающая опасность миновала“. Онъ прибавилъ что еслибы судно не было унесено вѣтромъ далеко отъ того мѣста, гдѣ показалась течь и гдѣ море очень глубоко, оно пошло бы ко дну меньше чѣмъ въ десять минутъ. Вода начала проникать въ каюту, и я вышла на палубу. Тамъ матросы уставляли бочки съ порохомъ вытасканные изъ трюма и работали надъ спасеніемъ груза и вещей. Офицеры, казаки, даже молодья, плачущія женщины одною рукой придерживали грудныхъ дѣтей, другою свободною изо всей силы помогали выкачивать воду. Она достигала намъ до лодыжекъ.

Дѣти и старухи ни къ чему не способныя въ ужасѣ перебѣгали съ мѣста на мѣсто, толкаясь, крича, рыдая и отыскивая убѣжища отъ волнъ поднимающихся все выше и выше. Ахъ, ужасная картина! Всякій думалъ только о себѣ, ломая въ отчаяніи руки и всѣ

лица были искажены смертельнымъ страхомъ. Мой мужъ, совершенно меня успокоившій, и я старались поддержать мужество и надежду въ этихъ несчастныхъ созданіяхъ, переходя отъ одной группы къ другой, утѣшая ихъ, объясняя имъ что опасность миновала, что всѣхъ спасутъ, убѣждая ихъ оставаться покойными и не пугать работающихъ для нихъ. Увы! все было напрасно. Они меня даже не слушали. Между тѣмъ были спущены шлюпки чтобы перевезти насъ всѣхъ на „Байкаль“. За мною пришли ⁷⁾.

Ахъ! друзья мои, когда я увидѣла эти дикіе, отчаянные и съ завистію устремленные на меня глаза, сердце мое стѣснила невыразимая жалость къ этимъ людямъ. „Ни за что, кричала я, ни за что я не уѣду первая. Отвезите этихъ несчастныхъ. Они боятся, я же знаю что опасность прошла. Я подожду“. Но капитанъ и офицеры увлекали и почти несли меня, а мой мужъ сказалъ повелительно что всякое мое лишнее слово и всякое сопротивленіе были потерю времени, могущее стоить кому-нибудь жизни. Я покорила рыдая. Прибывъ на „Байкаль“, я была встрѣчена командиромъ (мой мужъ остался на „Шелеховѣ“ наблюдать за спасеніемъ). Этотъ человѣкъ вмѣсто того чтобы поддержать мое мужество началъ, напротивъ, говорить объ угрожающей намъ опасности. Онъ былъ взбѣшенъ этимъ лишнимъ грузомъ. Правда что судно блѣднаго человѣка было въ очень ненадежномъ состояніи, увеличивая тѣмъ его дурное расположеніе духа. Онъ объяснялъ наши несчастія недостаткомъ точныхъ картъ и малымъ знакомствомъ съ Татарскимъ проливомъ, почти не изслѣдованнымъ. Впослѣдствіи узнали причину нашего крушенія. Благодаря густому туману наканунѣ, мы прошли Петровскъ и находились въ одномъ изъ рукавовъ устья рѣки Амуре, едва извѣстнаго, и о которомъ имѣли только поверхностное описаніе. Этотъ рукавъ былъ полонъ пучинъ и настоящій случай объясняется самъ собою. Что же касается до построекъ нами замѣченныхъ то это была гилякская деревня въ 25 миляхъ отъ Петровска, потому весьма понятно что наши Русскіе не могли слышать пушечныхъ выстрѣловъ съ „Шелехова“. Одно оставалось необъяснимымъ, по разговорамъ моряковъ, судно не почувствовало никакого толчка и никакой аварии передъ тѣмъ какъ мгновенно показалась въ трюмѣ вода усиленная съ ужасающею быстротою и еслибы на наше счастье не случилось мели, мы всѣ бы погибли въ продолженіе десяти минутъ.

Къ вечеру всѣ претерпѣвшіе крушеніе были на палубѣ „Байкала“. Мой мужъ принялъ самъ команду этого судна и послѣ усилій многихъ часовъ оно могло продолжать свой путь. Но до тѣхъ поръ,

⁷⁾ Вотъ какъ говоритъ знаменитый адмиралъ въ своихъ запискахъ объ этой ужасной минутѣ: „Наше положеніе было критическое. Весь экипажъ и всѣ пассажиры были на палубѣ. Мы понимали отлично что перемѣнись вѣтеръ, и все было бы съ нами кончено. Командиръ брига лейтенантъ Макцевичъ, его помощникъ, совсѣмъ юный лейтенантъ Бошняки умоляли мою жену оставить скорѣе палубу и вѣсть въ шлюпку для перевоза ея на судно „Байкаль“. „Мой мужъ мнѣ часто говорилъ“, отвѣчала моя юная супруга, „что во время крушенія командиръ и офицеры оставляли судно послѣдними. Я не оставлю „Шелехова“, пока не будетъ на палубѣ ни одного ребенка и ни одной женщины. Я прошу васъ прежде меня заботиться о нихъ“. Ее увлекли силой.

въ продолженіе всей ночи, толчки отъ волнъ заставляли его содрогаться сверху до низу. Вотъ тогда-то, признаюсь вамъ, обуяль меня ужасъ. Я страшно боялась, больше чѣмъ на „Шелеховъ“. Тамъ произошло такъ быстро что я едва могла постигнуть угрожающую опасность. Здѣсь я содрогалась вмѣстѣ съ судномъ и всякій толчекъ заставлялъ меня полумертвою отъ страха вскакивать съ постели. Мой мужъ время отъ времени сходилъ ко мнѣ чтобы успокоить и нравственно поддержать меня.

„Будь покойна“, говорилъ онъ, „я знаю свой „Байкаль“. Онъ превосходно построенъ. Его обшивка необыкновенно прочна. Ты увидишь, онъ устоитъ противъ всѣхъ испытаній, не получивъ ни малѣйшей аваріи“.

Онъ былъ правъ: судно не потеряло ни одного гвоздя, не была тронута ни одна планка, ни одинъ винтъ не вышелъ изъ своего мѣста, тогда какъ „Шелеховъ“ было старое судно которое давно пора было бы изъять изъ навигаціи.

Приставъ къ рейду въ Петровскѣ, мы были обрадованы извѣстіемъ что всѣ зловѣщіе слухи въ Аянѣ не имѣли никакого основанія. Наша колонія никогда не была потревожена и Гиляки оставались совершенно покойны. Что же касается до брига „Охотска“, онъ былъ задержанъ въ Петровскѣ нѣкоторыми аваріями гдѣ-то имъ полученными. Колонисты, счастливые нашимъ пріѣздомъ, встрѣтили насъ съ необычайною радостію.

Петровскъ, 2-го августа 1851 г.

Я получила твои два письма, милая моя сестра, и нѣтъ надобности говорить какъ я была счастлива читая ихъ. Твое сердце угадаетъ это, не правда ли? Говори мнѣ о нашей младшей сестрѣ, о нашемъ братѣ, моемъ миломъ Николаѣ. Я такъ боюсь чтобы долгая разлука не заставила ихъ забыть Петровскую отшельницу, такъ какъ одинъ Господь знаетъ, когда мы опять будемъ съ вами соединены.

Домики колоніи, поста или гавани, какъ хочешь назови, выстроены на полосѣ земли влающей далеко въ море, такъ что оно насъ всюду окружаетъ. Хорошенькая бухта передъ нашими окнами открывается въ полмили отъ нашего жилища. Со стороны суши мы легко можемъ различить нѣсколько гилякскихъ деревень, жилища которыхъ также мало привлекательны, какъ и хозяева ихъ. Наше маленькое общество состоитъ изъ всѣхъ офицеровъ съ „Байкала“, секретаря моего мужа М. Н., доктора и Орловыхъ мужа съ женой. Мой мужъ, сопровождаемый лейтенантомъ Бошнякъ, отправится къ устью рѣки Амура чтобы тамъ устроить новую колонію въ которой этотъ молодой, разумный и способный офицеръ будетъ начальникомъ. Семейство Орловыхъ и мы живемъ пока въ одномъ домѣ состоящемъ изъ трехъ комнатъ и кухни. Стараются выстроить небольшую избушку чтобы поселить насъ на зиму. Что же касается до мужчинъ, они, въ ожиданіи постройки дома для офицеровъ, располагаются въ палаткахъ и въ русской банѣ. На мнѣ одной лежитъ обязанность очень трудная, заботиться о питаніи всего этого общества. Часто это бываетъ настоящею задачею. Мы

нуждаемся въ столькихъ вещахъ! Но за то имѣемъ въ большомъ количествѣ превосходную рыбу. Это неслыханно, сколько вылавливаютъ ее Гиляки и какую громадную провизію они заготавливаютъ изъ нея для себя на зиму. Они намъ охотно ее продаютъ, то-есть, вымѣниваютъ на штуки миткалю, стекляныя вещи, ножи; употребленіе же монеты для нихъ еще не извѣстно. Петровскъ, съ его всюду поставленными палатками и съ зажженными огнями для варки кушанія казакамъ и матросамъ, имѣетъ видъ лагеря брошеннаго невзначай въ эту пустыню. Когда видишь зѣлень, солнце, совсѣмъ голубое море, весело блестящее вокругъ насъ, все это кажется очень хорошо. Но, Боже, что будетъ зимой! Когда я вошла въ это жалкое убѣжище, гдѣ должна прожить такіе долгіе мѣсяцы, сердце мое невольно сжалось. Я ослабѣла и залилась слезами. Я ожидала встрѣтить что-нибудь очень простое, очень грубое, но убійственная дѣйствительность превзошла всѣ мои предположенія. Какой контрастъ представила мнѣ эта хижина съ прежнимъ комфортомъ, съ широкою жизнію въ домѣ нашихъ родителей и нашего добраго дядюшки. Впрочемъ, мнѣ помогла въ эти минуты унынія впечатлительность моей натуры. Я увидѣла прелестную маленькую дѣвочку г-жи Орловой, и видъ этого ребенка высушилъ мои слезы. Что же касается до самой г-жи Орловой, то хотя она и не свѣтская дама, но превосходная личность, очень услужливая и очень добрая.

Первое впечатлѣніе, стѣсненное сердце, прошло; я придумала средство украсить наше грустное жилище и благодаря коврамъ и разнымъ бездѣлушкамъ взятымъ съ собой этотъ бѣдный уголь принялъ видъ нѣкотораго комфорта и порядочности. Увы! моя прелестная мебель изъ Охотска была унесена волнами во время крушенія, и я со слезами стоя на палубѣ „Байкала“ видѣла ее плывущей ⁸⁾.

Мы часто видимъ бродящіе около насъ уродливыя фигуры Гиляковъ. Несмотря на отличающую ихъ трусость, выраженіе лица у нихъ жестокое и хитрое. Одежда ихъ состоитъ изъ собачьей кожи; обувь сдѣлана изъ кожи нерпы; они носятъ свои черныя волосы, жесткіе какъ лошадиная грива, заплетенные у мужчинъ въ нѣсколько длинныхъ косичекъ и въ двѣ у женщинъ, связанныхъ шнуркомъ. Они носятъ огромныя шляпы, грубо сдѣланныя изъ древесной коры съ ужасными рисунками по краямъ, и форма которыхъ нѣсколько напоминаетъ форму тирольскихъ шляпъ. Все это страшно безобразно. Я читаю пока очень мало, прогуливаясь въ прекрасную, теплую и тихую погоду и пользуясь короткимъ полярнымъ лѣтомъ.

Мы обѣдаемъ въ полдень, это удобно нашимъ военнымъ и моему мужу, такъ какъ въ Петровскѣ все посвящено обязанностямъ службы.

⁸⁾ Его высочество великій князь Константинъ Николаевичъ, узнавъ что молодая жена его бывшаго начальника и товарища по службѣ послѣдовала за нимъ въ пустыню, послалъ г-жѣ Невельской всю меблировку изящной каюты яхты, въ томъ числѣ рояль розоваго дерева; деликатное и трогательное вниманіе настоящаго царскаго сердца. Она ничего не получила. Это море, которое она такъ ненавидѣла и о которомъ не могла говорить безъ дрожи, похитило царскій подарокъ могущій украсить ея уединеніе. Судно, на которомъ онъ былъ, потерпѣло крушеніе и утонуло со всѣмъ своимъ грузомъ.

Надѣюсь получить извѣстіе о всѣхъ васъ съ корветомъ.

„Оливуда“ останется здѣсь нѣсколько дней, потомъ будетъ въ продолженіе всей навигаціи крейсировать въ окрестностяхъ. На немъ больше 20 офицеровъ и 130 матросовъ. Это обѣщаетъ намъ, какъ ты видишь, большую прибавку общества.

Прощай, моя милая, милая сестра *Катя*

Петровскъ.

Я думала, мои добрые друзья, что корветъ останется здѣсь недолго, и не имѣла намѣренія послать вамъ еще письмо чтобы оно не было повтореніемъ предыдущаго. Однако же, мой мужъ нашелъ необходимымъ задержать „Оливуцу“ въ Петровскѣ до возвращенія его изъ Николаевска на Амуръ. Уѣзжая прошедшимъ годомъ въ Петербургъ, мужъ мой приказалъ г-ну Орлову съ весны начинать необходимыя постройки. Но только-что Орловъ, слѣдуя его указаніямъ, пріѣхалъ съ людьми назначенными къ предполагаемымъ работамъ въ Николаевскѣ, какъ наткнувшись на сопротивленіе толпы Гиляковъ долженъ былъ удалиться. Они, потрясая ножами, не допускали ихъ рубить лѣсъ въ этомъ мѣстѣ. Имѣя небольшое количество народа и не взявъ съ собою огнестрѣльнаго оружія, лейтенантъ Орловъ не могъ поддержать притязанія Русскихъ и долженъ былъ удалиться въ Петровскъ, ожидая возвращенія своего начальника. Мой мужъ былъ чрезвычайно недоволенъ недостаткомъ предусмотрительности и не могъ допустить мысли чтобы нельзя было усмирить эту дикую орду. Со своимъ мужественнымъ и предприимчивымъ умомъ онъ не могъ постигнуть чтобы подобныя существа могли осмѣлиться противиться планамъ и волѣ Русскаго.

Со своею обыкновенной энергіей, полной огня и нетерпѣнія, онъ немедленно организовалъ экспедицію въ Николаевскъ и отправился туда въ сопровожденіи лейтенанта Бошняка и 25 казаковъ. Двѣ пушки и полный комплектъ огнестрѣльнаго оружія дополняли грузъ шлюпокъ. Мой мужъ ни одной минуты не сомнѣвался не только въ успѣхѣ своего предпріятія, но и въ спокойномъ его исполненіи. Онъ знаетъ слишкомъ хорошо Гиляковъ чтобы предполагать въ нихъ малѣйшую возможность серіознаго сопротивленія энергическому виду и повелительному приказанію. Его предположенія оправдались. Гиляки встрѣтили ихъ въ Николаевскѣ съ услужливою покорностію, клялись полнѣйшимъ послушаніемъ посланному отъ Пили-Пили-Джангинъ и усердно принялись помогать нашимъ людямъ въ перевозкѣ лѣса, а также нашимъ плотникамъ привезеннымъ моимъ мужемъ въ Николаевскъ, въ работахъ предпринятыхъ построекъ. Оставивъ г-ну Бошняку подробныя инструкціи, мой мужъ возвратился утромъ въ Петровскъ очень довольный своею экспедиціей. Съ огромной энергіей и замѣчательными способностями лейтенанта Бошняка, съ усердіемъ казаковъ и съ поспѣшною услужливостію дикихъ (еще болѣе усердныхъ послѣ того какъ изъ шлюпокъ были вытаснены двѣ пушки) все пойдетъ на этотъ разъ хорошо, и новая колонія Русскихъ явится въ этой пустынѣ, укрѣпляя наше могущество.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

Москва, 1-я Мѣщанская, домъ Богданова, кв. № 3.

Выписывающіе прямо изъ склада за пересылку не платятъ, а также выписывающимъ болѣе 10-ти экземпляровъ уступка.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна 1 руб.